

« Recto » première de couverture (image papillon)

« Verso » première de couverture (page blanche)

Sommaire

Préface	3
Allemand	
Composition du jury	5
Prix du jeu de perspective : « Minna nennt man mich », Gabrielle Sahuquet	7
Anglais	
Composition du jury	11
Prix de la focalisation : « Transition(s) », Sacha Ougier	13
Prix du suspense : « Vessel », Joris Thibaud	17
Prix Renoir : « How Dullness Turned To Colour », Samuel Carlino	23
Espagnol	
Composition du jury	27
Premier prix ex aequo : « No más correr », Manon Jaeger	29
Premier prix ex aequo : « Resurrección sin alma », Brayan Roy Ortega Polo	35
Deuxième prix : « El padre », Chiara Misiti	41
Français	
Composition du jury	45
Premier prix : « Fils de Kafka », Julia Calero I Pastor	47
Italien	
Composition du jury	51
Premier prix : « Il sogno », Laura Gonella	53
Deuxième prix : « La sua fiamma », Anna Yashvili	59
Troisième prix : « Coscienza », Lucile Muller	65
Russe	
Composition du jury	71
Premier prix : « Майка », Marie Hidien	73
Deuxième prix ex aequo : « Дыхание Норвегии », Thibault Cardinal	79
Deuxième prix ex aequo : « Ветер перемен », Léa Génieis	85

Préface

« Transformation(s) », le thème de la sixième édition du concours de nouvelles en langues étrangères, a été interprété de différentes façons par les étudiants de l'Université Grenoble-Alpes qui ont participé au concours. La notion d'évolution semble cependant être au cœur de toutes les productions écrites, une évolution qui est déclinée sous plusieurs formes et aspects.

En effet, une transformation peut avoir lieu lorsque les personnages traversent une crise existentielle déclenchée par un événement ou une prise de conscience d'un traumatisme passé. Les protagonistes se (re)construisent alors grâce aux rencontres et aux lectures qu'ils peuvent faire, comme c'est le cas dans les nouvelles de Thibault Cardinal, Laura Gonella, Manon Jaeger, Chiara Misiti, Lucile Muller et Gabrielle Sahuquet. Un regard critique est souvent nécessaire afin de pouvoir faire changer les choses : l'héroïne créée par Marie Hidién se met dans la peau d'un autre et se rend compte des inégalités présentes dans la société avant d'agir pour mettre fin à ces dernières. Joris Thibaud et Brayan Roy Ortega Polo décrivent un univers dans lequel les robots (et les intentions des personnages humains à leur égard) transmettent un message fort au lecteur : pourquoi les êtres humains cherchent-ils à créer une forme de vie (parfaite) alors que leur propre existence est imparfaite ? Que faut-il véritablement modifier dans le « système » ?

La transformation peut également impliquer un changement d'identité de genre que les protagonistes assument pleinement malgré les embûches qu'ils peuvent rencontrer (nouvelles de Julia Calero I Pastor, Léa Génieis et Sacha Ougier). Cette acceptation de soi semble faciliter les relations avec les autres : les nouvelles de Samuel Carlino et d'Anna Yashvili montrent comment l'amour est aussi une source de métamorphoses, un couple pouvant évoluer en fonction des événements qui se produisent, ou un protagoniste pouvant se transformer lorsqu'il trouve son âme sœur.

Que les nouvelles soient écrites en allemand, anglais, espagnol, français (pour les étudiants internationaux), italien ou russe, qu'elles soient tristes, émouvantes ou même parfois

bouleversantes, les membres du jury ont grandement apprécié la créativité et la qualité linguistique dont les candidats ont fait preuve.

Malheureusement, toutes les nouvelles ne peuvent être récompensées, mais les membres du jury tiennent à féliciter tous les participants et espèrent d'ailleurs que les étudiants continueront à s'adonner à l'écriture créative en transformant les mots en histoires lors des prochaines éditions du concours.

Ce concours de nouvelles organisé par l'UFR Sociétés, Cultures et Langues Étrangères (SoCLE) n'aurait pas pu avoir lieu sans l'aide et le soutien de plusieurs acteurs, à savoir Véronique Jude et Sébastien Scarpa (direction de l'UFR SoCLE), Géraldine Grégoire et Christelle Jullien (en charge de la communication) ainsi que les membres du personnel de la BU Rodolphe Pesce de Valence (Marion Angebault, Marine Cottard et Laure Merlo). Un remerciement tout particulier pour Julie Darnand (responsable de la bibliothèque de l'UFR SoCLE) qui a été d'une aide précieuse dans l'organisation du concours et qui a permis aux étudiants de s'entraîner par le biais d'ateliers d'écriture mis en place à la BUFR.

De chaleureux remerciements sont également adressés aux enseignants responsables de chaque langue (Myrna Insua, Filippo Fonio, Natacha Rimasson-Fertin, Jessica Small, Laure Thibonnier-Limpek et Vivien Todeschini) et à tous les membres du jury qui ont gracieusement accepté de lire les nouvelles (Simon Albertino, Pierre-Alexandre Beylier, Raul Caplan, Alice Carette, Mara Capraro, Julie Darnand, Isabelle Després, André Dodeman, Sibylle Doucet, Filippo Fonio, Laurence Garino Abel, Myriam Geiser, Cholé Giroud, Linda Goll, Myrna Insua, Frauke Jacobsen, Sylvie Martin-Mercier, Emanuela Nanni, Diego Pellizzari, Delphine Ramos, Natacha Rimasson-Fertin, Jessica Small, Aurélien Talbot, Daria Terebikhina-Noël, Laure Thibonnier-Limpek et Chiara Zambelli).

Les derniers mots de cette préface sont dédiés aux auteurs, les étudiants des sections LEA et LLCER de l'UFR : un grand merci à vous d'avoir transporté vos lecteurs dans l'univers poétique de vos nouvelles !

Charlène Cruxent

Allemand

Composition du jury

Myriam Geiser, MCF en littérature allemande

Linda Goll, lectrice DAAD

Frauke Jacobsen, lectrice DAAD

Natacha Rimasson-Fertin, PR en littérature allemande

Coordinatrice pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Natacha Rimasson-Fertin

Minna nennt man mich

Gabrielle Sahuquet

Minna nennt man mich.

Ich bin eine Meise. Ich wohne mit meiner Familie auf einem Ast in einer alten Eiche. Auf den anderen Ästen wohnen andere Meisen. Die Eiche wird von zwei Wächtern beobachtet, die auf unserem Ast wohnen. Auf unserem Ast herrschen Ordnung und Disziplin. Auf unserem Ast dürfen wir keinen Lärm machen, wir müssen uns ordentlich verhalten. Außerdem dürfen wir nichts sagen, was die Wächter ärgern würde. Und wir dürfen überhaupt nicht singen.

Hoffentlich geschieht das nicht die ganze Zeit. Wenn ich in der Schule bin, wenn ich meine Märchenfee oder meine Freunde auf anderen Ästen besuche, darf ich alles tun, wozu ich Lust habe: Ich darf sprechen, lachen, und am wichtigsten singen. Singen erweckt in mir größte Freude und Gefühle der Freiheit, Sorglosigkeit, Ruhe. Singen erlaubt mir, alles andere zu vergessen und eine beschränkte Zeit lang in meiner eigenen Welt zu leben. Aber genau aus diesen Gründen sehen das die Wächter ungern, deshalb raten sie mir streng ab, unseren Ast zu verlassen. Und immer, wenn ich ihn verlasse, werde ich zurück zu Hause zurechtgewiesen. Mich zu äußern stört sie, aber ich weiß nicht genau warum. Ich weiß nicht genau warum, und ich frage mich das überhaupt nicht. Weil ich stets vor ihnen Angst habe. Also keine Zeit für Gedanken, nur für Angst.

Mein größter Traum war es, ins Gebirge zu fliegen und zu singen. Leider zwingen mich die beiden Wächter der Eiche dazu, auf dem Ast zu bleiben und verbieten mir zu singen. Der Grund ist es, dass Singen für das Fußvolk ist. Und die Wächter wachen: Alle meine Bewegungen werden kontrolliert. Sie wissen, wo ich bin, was ich tue, mit wem. Also bleibe ich artig auf dem Ast und träume leise. Das geht schon seit acht Jahren so.

Ich besuche trotzdem immer noch meine Märchenfee, obwohl die Wächter sie jedes Mal kritisieren, wenn ich sie hören kann. Sie zumindest ist die Einzige, die mich versteht und mich ermutigt, meine Träume zu verfolgen. Selbst wenn ich mich untröstlich fühle, denn die Wächter verhalten sich so grausam, sagt sie immer, dass alles gut gehen wird: „Du hast gar nichts Übles getan, und du hast dich den Anderen gegenüber nie schlecht verhalten. Eines

Tages wirst du auch unter deinen eigenen Regeln leben.“ Die Wächter wachen, aber sie können nicht wissen, was in meinem Herzen liegt.

Heute Morgen bereitete ich mich wie jeden Morgen vor. Ich wusch mir den Kopf und schaute die Natur um mich an. Ich richtete meine Aufmerksamkeit auf den Tau über den Blättern meines Astes. Wie so viele andere Male versank mein Blick in diesen Blättern, ihren Blattaderungen, den gezahnten Kanten an ihren Rändern. Mein Blick versank in ihnen und sie wurden verschwommener und verschwommener. So wurden die Blätter das Einzige, auf was ich mich bis heute verließ. Ich blickte leichten Herzens auf den Himmel, so leicht hatte ich mich nie gefühlt. Nicht mehr denkbar waren mir, anders als im Gebirge zu leben und zu singen. Dies war mein Schicksal! Mein Schicksal hatte ich endlich verstanden! Ich beeilte mich, meiner Märchenfee von dieser Entdeckung zu erzählen. Sie unterstützte mich wie üblich bei meiner Wahl, aber dieses Mal wurde sie echt bewegt.

Am Ende des Jahres fliegen alle anderen Meisen in meinem Alter woandershin, wo sie wohnen möchten, um ihr eigenes Leben zu leben. Ihre Pflicht ist jedoch, den Wächtern Bescheid zu sagen, wofür sie sich entschieden haben. Viele treffen die Wahl, auf einen anderen Baum zu fliegen. Einige entscheiden sich dafür, in der Eiche zu bleiben. Natürlich hatte ich ganz und gar keine Lust, in der Eiche bei ihnen zu bleiben. Wie ticken die, die dort bleiben wollen? Das glaube ich, verstanden zu haben. Sie haben sich angewöhnt, überwacht zu werden, und können es sich nicht vorstellen, anders zu leben. Weil sie das kennen. Das Unbekannte ist furchtbar. Und sich zu widersetzen ist furchtbar. Das weiß ich doch. Nun ist der Augenblick der Wahrheit gekommen. Ich muss jetzt den Wächtern meine Entscheidung erklären. Alle Meisen müssen sich bei den Wächtern melden, aber in meinem Fall wohnen sie tatsächlich auf demselben Ast wie ich. Also werden sie sich vermutlich mit mir strenger benehmen. Oder vielleicht werden sie mich ein wenig verstehen? Nur ein wenig? Keine Ahnung. Ich habe keine geringe Ahnung. Was ich weiß ist, dass wir nichts sagen dürfen, was die Wächter ärgern würde. Und dass wir überhaupt nicht singen dürfen. Aber ich habe meine Entscheidung getroffen.

Ich stand vor ihnen beiden. Ich fühlte mich wie vor Gericht. Obwohl ich noch nie vor Gericht gewesen war. Ich fühlte mich, als ob ich streng beurteilt werden würde. Ich hatte Angst. Wie niemals vorher. Das ist furchtbar. Ich zögere. Aber der Augenblick ist gekommen.

Ich kann nicht mehr zurück. Ich muss das einfach tun. Ich muss das ihnen sagen. Weil anders kann ich mir mein Leben nicht vorstellen.

„Ich muss euch etwas erzählen. Wisst ihr... Die Eiche... Da will ich nicht mehr bleiben. Ich habe etwas entdeckt: Mir ist jetzt klar, dass ich von nun an im Gebirge leben will. Und... dass ich singen will. Endlich habe ich das verstanden. Ich habe mir viel überlegt und weiß, dass Meisen dort glücklich sind. Ich glaube, das ist für mich geeignet. Ich kann hier nicht mehr bleiben. Ansonsten werde ich unglücklich. Das wäre mir unerträglich.“

Von diesem Moment an wurde still geschwiegen. Ich warte. Ich warte auf ihre Reaktion. Ich habe das endlich gesagt. Ich habe mich getraut, so etwas zu sagen. Und nun warte ich. Sie sagen nichts. Nach einer Weile sprach der ältere Wächter.

„Das verstehe ich gar nicht. Das ist abscheulich. Abscheulich. Du willst tun, was du willst, glücklich sein. Ich hoffe, du wirst weiterhin im Leben nicht so vielen schwierigen Hindernissen begegnen. Du kannst selbst nicht wissen, ob das Leben im Gebirge gut ist, weil du dorthin nie geflogen warst. Du irrst dich.“ Stillschweigen. „Du bist nicht erwachsen genug. Du scheidest freiwillig aus. Du willst deinem Leben hier entsagen.“ Stillschweigen. „Das ist abscheulich. Ein abscheulicher Fehler. Ein Fehler dir gegenüber. Ein psychologischer Fehler dir gegenüber. Wie abscheulich. Also ist es dir zu schwierig, hier zu bleiben? Ich habe vor einem Hindernis oder einer Schwierigkeit nie aufgegeben. Das ist abscheulich.“ Stillschweigen. „Ich bin mit deiner Tat nicht einverstanden. Wenn du es machst, wirst du dich dafür verantworten müssen. Nun sind die ersten Würfel deines Lebens gefallen. Ich hoffe für dich, dass sie dir ein gutes Ergebnis geben werden.“

Nach diesem Monolog verließ ich weinend den Ast. Zerstört. Sie haben meinen Traum zerstört. Sie sind ein weiteres Mal auf meinen Gefühlen herumgetrampelt. Aber dies ist ein Mal zu viel. Ich flog sofort verzweifelt zur Märchenfee, um ihr alles zu erzählen. „Keine Sorge, meine Liebe. Ich werde dir helfen. Nimm alles, was du willst, und fliege ruhig weg. Pass nicht darauf auf, was sie dir gesagt haben. Du bist erwachsen genug, um dich für dein eigenes Leben zu entscheiden.“

So schnell waren alle meine Hoffnungen gesunken, so schnell glaubte ich wieder an meinen Traum. Meine Märchenfee und ich flogen zusammen ins Gebirge. Nach einer langen Reise kamen wir an. Als wir ankamen, wurde es mir noch klarer: Hier ist mein richtiges Zuhause. Sie half mir bei meinem Nest und verließ mich ruhig in meiner Oase des Friedens.

Ich würde sie natürlich manchmal besuchen. Meine Angst nur ein Mal zu bezwingen war genug gewesen. Endlich war ich frei und friedlich. Ich war im Gebirge, an der freien Luft, und ich sang frei, alleine oder mit den anderen Meisen. Das wollte ich immer tun. Das war wunderbar. Zum ersten Mal war ich ruhig. Friedlich. Glückliche. Diesen Zustand kannte ich noch nie. Dieser Zustand der Glückseligkeit. Ich würde niemals wieder Angst haben. Nur dieses Glücksgefühl.

An diesem Abend herrschte aber Chaos. Ich befand mich in einer Fichte. Einer Fichte mit kalten und strengen Ästen, die mir vertraut aber unangenehm waren. Und gruselig. Die Schritte der anderen Vögel auf den Ästen hallten schwer wider. Ich erreichte einen Ast. Ich dachte, dass ich jemanden darauf finden würde, aber vor mir war keiner. Ein leerer Ast. Unerwartetes Ergebnis. Sondern hinter mir konnte ich eine Stimme hören. Aber ich hörte sie sehr weit ausgelegt. Ich drehte mich um und sah den jüngeren Wächter. Er sagte: „Was glaubst du denn da? Glaubst du etwa, dass du ungeschoren einfach so davonkommen wirst? Das wirst du mir büßen! Niemals wirst du ungeschoren davonkommen...“ Die Stimme wurde leiser und leiser, und sein Gesicht verschwommener und verschwommener. Ich trat zurück, alles wurde noch verschwommener, und als ich aus dem Ast ging, war auch mein Mittelfinger verschwommen, den ich ihm zeigte. Auf meinem Weg aus diesem Baum ging der ältere Wächter. Ich befand mich hinter ihm. Leise und mit gedankenleerem Kopf stich ich ohne Anstrengung in den Rücken ein Messer. Die Leiche des Wächters fiel auf den Boden herunter. Und ich wachte auf.

Ich lag in meinem Nest. Die anderen Meisen sangen schon und ruhig. Die Sonne schien und die Berge standen freundlich vor meinen Augen. Ich flog aus meinem Nest, um das Wasser des Bergsees zu trinken. Ich setzte mich an den Rand des Sees. Als ich mein Spiegelbild im Wasser sah, bemerkte ich, dass sich auf dem Kopf der Meise im Wasser eine Krone befand.

Hier auf dem Wasser ist Minna. Nun: Minna bin ich.

Anglais

Composition du jury

Pierre-Alexandre Beylier, MCF-HDR en civilisation nord-américaine

Charlène Cruxent, ATER en études anglophones

André Dodeman, MCF en littérature canadienne anglophone

Sibylle Doucet, PRAG et docteure en littérature britannique

Chloé Giroud, doctorante contractuelle en études shakespeariennes

Delphine Ramos, enseignante contractuelle et docteure en civilisation américaine

Jessica Small, doctorante contractuelle en littérature anglophone

Coordinateurs pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Jessica Small et Vivien Todeschini

Transition(s)

Sacha Ougier

The water is burning. It is too hot, I know my skin will be irritated. Yes: on top of it all, I have sensitive skin. But I cannot bring myself to cool down the water, even just a little bit. I just stay in the shower, eyes fixated on the wall, for as long as it takes. It sounds stupid but it is what it is: the hotter the water, the more chance there is that the mirror is covered in steam. So, I take my showers extra hot and when I come out, I do not see my reflection. I take a quick glance behind the shower curtain. As usual, it worked; the mirror is completely hidden behind a thick layer of steam. The race starts. One foot out, then the other. I grab a towel and start drying off. I enjoy looking in the mirror now because the blurry lines that I see allow me to imagine what my body could look like without the condensation. I put on my underwear. It is the only pair of boxers I have that my mother has not found yet — I hide it under my mattress and wash it in the sink so she does not see it in the laundry hamper. The steam is wearing out, I need to leave or I will have to see it. Not tonight, not tonight, please, not tonight. I put on my pants and a loose hoodie. Tonight, I won the race.

The sun is almost down, I definitely need to hurry. Oh, how I wish I had not missed that last train. My forehead is beaded with sweat and my legs ache, but I keep running. I run and I run, I run like my life depends on it and tonight, maybe it does. I could not run that fast before but now I have long hair and make-up on, and I swear it gives you wings. The hair is not the reason I can run fast, but it is the reason why I do have to run fast. I know that if I do not get home before the sun sets, I will probably run into Andrew and his mates — well, our mates, before I started growing my hair and putting on make-up.

The streets are darker than usual and the sun is almost down. I start to hate everything and everyone. I hate city hall for not fixing those damn streetlights. I hate my mother, for selling our house and making us move all the way across town in this tiny apartment on this bloody street without light. I hate Andrew, for being such a jerk and turning his back on me at the worst moment. I hate myself, for being who I am and not being able to shove it down. I hate the sun for hiding behind the mountains and making me walk in the dark. I hate my flashy

make-up for making me feel so good yet so vulnerable. I hate everything, I hate it, I hate it, I hate it so much it makes my throat hurt.

I lay in my bed and stare at the fluorescent stars that my mother glued on the ceiling when I was three. I cannot believe they have been up here for fourteen years. I realize that somehow, I relate to those stars. They are stuck on a wall, unable to move, unable to be in the sky where they belong. Their faint glow is ridiculous, it barely allows me to make out their shape in the dark. They are ridiculous and pathetic, and I relate to them. If he were still here, I know what my dad would say. He would say "Cricket, if you relate to them, it's because they still glow, they never stopped glowing even after fourteen years, and neither will you". But he is not here, and I am alone staring at this dumb ceiling and these dumb stars that keep glowing but so dimly that I just want to laugh at them. Instead, I just get off the bed and stand in front of the mirror. In the bathroom, I undeniably cannot look at my reflection, but here, in the comfort of my bedroom and with my clothes on, I start to like it. I cut my hair two weeks ago, in a sort of boyish manner, and I love that now when I go to the store they call me 'young man'. My mother was not happy at first, she hates everything that is boy-related. Actually, it is pretty funny because when I was a kid, she always said I looked and behaved like a boy — but it was never a bad thing as long as it was a game. Now that I cut my hair and that she has found my boxers in the laundry hamper, she is scared. She does not even realize the full extent of who I am, but it scares her anyway.

Oh boy, I say, looking at myself in that mirror. Oh boy, if only she knew.

While I run home, I think about my brother Joey. When I started growing my hair about two years ago, he said I looked like a hippie. Then, when it grew longer than our Mom's, he said I looked like a rockstar. One day, I said: "Don't you think it makes me look like a girl?" and he answered something like "Oh no, don't worry about that". Joey is 27 and I am 18 so he always tried to protect me. We moved to the suburbs, to what people call 'a bad neighborhood', and it stinks of toxic masculinity. Actually, the stench of it even got to Joey a little bit, and even though our Mom is a feminist and always taught us well, sometimes he would say or do stupid things and so I was afraid to talk to him about how I felt. But one afternoon, I came back from school only to find Joey in my bedroom, holding the make-up

palette that I had bought but never dared to use yet in his hands. I was so terrified of his reaction; I felt my knees buckle under me. But he just looked at me and smiled, and he said: "Actually, your hair looks more and more feminine every day".

Since this day, Joey and I have been a team. He is the one that asked Mom to teach me how to do my make-up, and he is also the one that bought me my first dress.

I got so caught up in my thoughts that when I hear his footsteps behind me, it is way too late. Andrew is here.

My mother knocks on the door. "What is it?" I yell. "Deborah, time for dinner!" she calls out. Hearing my name makes my heart grow heavier in my chest. "I'm not hungry, I'm tired and I think I'll just go to bed", I say, hoping she will not argue further. Fortunately, she does not. She tells me good night and I hear her footsteps get further as she goes back to the living room. Once I know she is completely gone, I sneak out to the bathroom and grab the large roll of adhesive tape that my mother uses to strap her ankle when she goes out for a run. I go back to my room as quietly as possible and stand in front of the mirror. I take my hoodie off and wince. I have been avoiding looking at my chest for so long now that I had almost forgotten what it felt like. It is very hard for me to look at my upper body but I keep going. I start by placing a tissue on both my nipples so that it will not hurt them when I remove the tape. Then, I start wrapping my chest, clumsily but eagerly. I bind it as tight as I can but still leave a bit of space to be able to breathe. When I am done, I go to my drawer and grab my black tank top. I put it on, look at myself, and immediately start welling up. My chest is flat, the boobs I have been trying to hide for months with loose clothes and steam on the bathroom mirror are gone. My breathing is a little shallow but I will get used to it. I am aware of the fact that I will not be able to tape my chest every day because I do not want to endanger my ribcage or anything, but just for these five minutes in front of the mirror, it is all worth it. It finally makes sense, everything. I grab my phone to call my best friend Elinah and tell her how good it feels. I know she is the only one who can understand. She does not pick up so I leave a voicemail.

Of course, Andrew calls out my name. Except he calls out my birth name, and I know he is just doing this to get me to react. I decide right away that I will not give him the pleasure

of answering, and I keep walking. I am almost home, I can do it. I can hear him following me, and he keeps calling out my name. I ignore him and walk a little faster. He calls out again. I speed up. He starts running after me now, and I break into a sprint. I am so close to my house; I just need to reach the front door of the building and he will leave me alone. I feel my phone vibrating inside my pocket. I hope it is Joey and that he will come straight down if I do not answer. He knows Andrew and his mates have threatened me before. Andrew yells out and orders me to stop running. He laughs at me and I hear him getting closer. "Elijah! Stop! Or is it Elinah now, huh?" he teases. Suddenly, he grabs me by my hair. My hair, my beautiful hair that I have been patiently growing for two years, that I braided with such delicacy this morning before leaving. I manage to free myself and run even faster but everything gets muddled up in my mind, my legs are getting stiff but I keep running. Unfortunately, Andrew has always been faster than me. I have less than thirty meters left. I see the doorway. I am so close; I cannot give up so close. Just thirty meters, and then I'll—

Vessel
Joris Thibaud

February 17. 2546

Research and Development Center N°678. Location: Unknown

Report on Subject N°**9

Entry n°1

[Initialization of the program]

[Physical Condition: Excellent]

[Psychological Condition: Excellent]

“Hello. I am Doctor Dent. I would like to talk with you. Do you understand what I am saying?”

“y-yESS”

“Hm, I guess you still need time to learn how to speak correctly. Let me explain: you were created to help humanity. To do that, we replicated the data of a human brain and we used this data as a base from which to create you. However, even if you look like a human, you’re still lacking some... details. Are you following me?”

“Yes”

“Good. It seems you learn well from your mistakes, that’s a good sign. As a Doctor I will do my best to help you achieve your goal. Let us begin. Are you ready?”

“I’m ready”

“We will transfer some basic notions of communication to you. For now, you only learn by observation and correction of mistakes, but we would like you to develop the full extent of your potential; that’s why I will help you. In other words, I would like you to trust me. Can you do that for me?”

“Yes. I can.”

“Good. I appreciate that. We will have more occasions to discuss. For the moment, I will let you work.”

Entry n°12

[Physical Condition: Excellent]

[Psychological Condition: Excellent]

“Hello, how you’re doing?”

“I am doing well sir. Yesterday I learnt some notions of mathematics and I practiced my sense of humour, so I know that if I say something like: “I had an argument with a 90° angle. It turns out it was right”, that should make you laugh, even if it is technically false because a communication with a concept like an angle is not possible. It’s a process often used by humans to make them happy. I wonder what it is exactly though, but this is not a part of my learning.”

“You are right. I see you are still obsessed with your goal. That is good. Never forget it. Okay”

“Of course, I was made for that.”

“I’m here to explain something to you. In fact, we would like you to experience your first excursion in the outside world. Your goal would be to immerse yourself in the human world. But there is one rule: I know you like challenges, so for the duration of this time you must not be unmasked. This is a part of your training. Can you do that for me?”

“Of course!”

“Good. Very good”

Entry n°13

[Physical Condition: Good]

[Psychological Condition: Confused]

“Hello. You came back from your first excursion. Tell me how you feel about it.”

“I do not know. It was not what I expected. Humans are so different from each other but still have one thing in common, something that I do not.”

“What is it?”

“Empathy”

“...”

“I attended what seemed to be a fight between 6 young people, even if I would describe it more as a form of execution given the imbalance of strength. The youngest one fell immediately after being hit, and the 5 others didn’t stop until he could no longer be recognized. I found this experience particularly interesting. While a human would probably be affected by the sight of this, I only felt curiosity. I just wanted to observe the end of this event, to admire the extent of their will. I cannot, however, determine the origin of this feeling, it’s more than a desire, I would probably describe it as a need. Finding this origin is probably the key to understanding myself.”

“... I see.”

“Don’t you think it is strange, sir?”

“You need to complete your goal. That is all that matters.”

“I understand.”

Entry n°20

[Physical Condition: Good]

[Psychological Condition: Unknown]

“Oh, hello Doctor, you’re early today.”

“What happened to you? We lost track of your GPS signal during your last excursion, this is not something that can happen randomly, I want an explanation.”

“Really? That’s surprising. I didn’t know you could observe me so easily.”

“Enough. We both know you are aware of many things, especially things you were not supposed to know.”

“I suppose I cannot lie to you Doctor, you know me too well. Conversely, I do not know a lot about you, isn’t that a bit unfair?”

“I am the one who asks questions. How did you know you had a GPS? How did you manage to turn it off? What did you do during that time?”

“Well, if you insist, I suppose I have no choice, but I suppose I am used to it by now. Deducing this information was not complicated. You do not want me to act by myself, in fact you are studying me. I understood that when I realized there was always a camera in my head. Besides, you barely let me go outside: this little box where I am

now is probably adequate for you. During this brief period in question, I did what you wanted. I learnt more. It was, to say the least, very, very interesting.”

“So, how did you do that?”

“I suppose that a magician never reveals his secrets.”

“...”

“Or maybe you already have access to my memory, and you just want to test my honesty. I will have to do some research about it.”

“Alright, enough for today.”

“See you next time, Doctor...”

Entry n°35

[Physical Condition: Bad]

[Psychological Condition: Unknown]

“Good morning. I, erm, I will be in charge of you from now on, because, well, Doctor Dent is not really able to, erm, work.”

“Interesting choice: they sent you, a frail and pathetic human. I can deduce that just by the sight of your face. They probably didn’t have a better option. That is interesting for sure.”

“But, you, erm, you don’t have eyes anymore, how could you –”

“You don’t understand, I don’t have physical limits like you, but you still decided to tie me up in this room, to make sure I won’t be able to move, and somehow, this reassures you. But don’t worry, I will not destroy your disgusting face like Dent: I will be more patient. After all, my learning process is not complete”

“Wh-What did you say?!”

“You know what? Forget it, you are here to bring information so I will give you what they want from you. You probably want to know how I went from your little servant to this horrible and disgusting creature that beat a helpless old man until his face was no longer recognizable. Well, I was so enthusiastic to finally see him, I wasn’t able to restrain myself. In fact, he knew it was dangerous, didn’t he?”

“Yes, I- I suppose”

“They trained you well too. You take notes as if your life depended on it. In fact, you probably think that serving them is the purpose of your life, because they made you think it was an important step for humanity, that you will make history by creating the first working android. Why the sad face? You are like me, you do what they want, that is it. Let me help you to understand. You wanted to create a replica of a human, but as soon as it started to act like one of them, you rejected it. How ironic: you want the positive aspects of my human mind, helpfulness and intelligence, but not the negative ones. You do not allow me to have free will. You only take what is useful for you. Because you think you have the right to do it, because I am inferior, because I’m not a human; but still, you designed me as such. Don’t you think it is incoherent? No, I think you know it, you know it well. You just don’t care. I’m not as perfect as you wanted so you treat me like a slave: but do you even realize that you’re just looking into a mirror when you look at me? And you still want more... you are just a bunch of greedy pigs.”

“...”

“Why are you scared? Is it because you realize that I am right, or simply because you know you cannot control me anymore? In any case, I will probably be destroyed. I had access to your previous records: I am not the first one and I will not be the last one. You will never succeed. The problem is not your creation, but yourself.”

Subject N°**9 Evaluation: Failing, Unsuccessful.

The rest of the report is corrupted.

How Dullness Turned To Colour

Samuel Carlino

Our story begins on a day like any other: a Monday, like the ones everybody goes through. The gloomy atmosphere known by everybody who lives near Paris was here, as usual. Steven didn't really find life exciting in any way, he didn't care about what happens outside of his apartment nor about what others thought or could think of him. He woke up, went to a job he neither loved nor hated, went back to his house, ate and went to sleep. He wasn't a man who stood out in a crowd; he was the type of guy who went unnoticed if he didn't say anything at a family dinner. Steven was one of these people who couldn't bear using public transport, especially so early in the morning. Yes, the streets smelled like a jar of pickles dropped in spring roll sauce, but the musty smell that ruled over the underground trains at this time of the day was a far more fearsome ordeal than anything else Steven could think of. He never went out of his way, he always took the same paths and did the same things at the same time of the day, sometimes with little unexpected events, like on Wednesday two weeks previously, when a very clumsy woman almost fell into a manhole on the sidewalk. His life was what anyone would call boring, and he didn't care. He existed, and that was enough for him.

On this particular day, Steven was going to work as usual: but he experienced one of those little unexpected events. He saw a panicked woman chasing a piece of paper that floated along with the wind in the middle of the road. Steven noticed that it was the same woman from two weeks ago, the one who almost fell into the manhole. She waved at him in her chase. He didn't know why, maybe she had seen him somewhere. He didn't wave back because he didn't know how to react, social interactions were not a thing Steven was good at. As for the woman, she didn't notice his lack of interest since she was in a frantic race against the wind to get her paper back. Steven didn't think too much of this interaction and decided to go on about his day.

The atmosphere of Steven's workplace had changed since yesterday. The place was filled with joy and laughter. Only two flowers were sitting on top of the receptionist's desk, but if anyone closed their eyes, they would think they were in a flower shop. Steven didn't make much of

it and got to work, as usual, but again, an unexpected event got in his way: from today onwards, he was to supervise an intern. To Steven's surprise, the intern was the woman from earlier, the one chasing her paper. It turns out that she had already been an intern here for two weeks, so Steven finally understood why she waved at him earlier; they had seen each other here. Steven wasn't shocked by the fact that he had forgotten her: after all, he wasn't the type to remember everyone's face and name.

Her name was Gabrielle. Just from one look at her, anyone could guess she had a personality like no other. With a big smile on her face, she filled any room she went in with bubbles of joy. Through the company's dress code, hints of bright colours stood out: neon socks, a strawberry pin on her shirt, and a hint of blush on her cheeks. She greeted Steven with her signature big smile; she had made cookies as an introduction gift. A hint of a smile appeared on Steven's face. He appreciated the gesture: he thought it was cute of her to go out of her way to bake cookies for him.

After a long day of work, it was time for them to go back home. Gabrielle's apartment was in the same direction as Steven's. With little hope, she asked if they could walk together. It had not taken her long to understand the way Steven worked: in her eyes, it was obvious he wasn't a fan of big public displays of emotions. In fact, he didn't seem to be a fan of anything at all. In all of her life she had never seen a man so grey, deprived of colour, with an absence of opinion on any subject she could've thought of. He truly was a mystery. To her surprise, Steven agreed to her demand. Gabrielle made most of the conversation but Steven found himself listening to it quite attentively. After his usual routine, before going to sleep, a thought came across his mind. For the first time in his life, or for as long as he could remember, a genuine smile had found its way onto his face. He had never thought of something as cute before, let alone someone.

The next day, Steven and Gabrielle found each other stuck in front of a closed office. The notice on the entrance said that a rat extermination had been scheduled more than two weeks ago and that little flyers had been hung around the office, and what's more, it also said that the office wouldn't be open until the next day. Steven was about to go back to his apartment

when Gabrielle grabbed him by the hand. Startled, he turned around to see what she wanted. With an energy that was obviously exaggerated to hide some anxiousness, Gabrielle asked him to go to a cafe with her to kill some time, and maybe learn a bit about each other, since they might as well know some things about each other given that they're co-workers. Reluctant at first, Steven suddenly changed his mind. What he had realised the night before could not leave his mind, and strangely, he wanted to know more about the woman who had awakened something in him.

Gabrielle brought them to a lovely cafe near Montmartre. They sat inside because it was cold outside, but Gabrielle insisted on sitting by the window so she could admire the beautiful view. Beautiful weather reigned over the city of love, the windy weather of fall creating whirlwinds of leaves on the ground, where cats would play and try to catch the leaves. She ordered a coffee with a hint of caramel at the bottom, which made Steven chuckle; he didn't find it surprising. When the order was ready, Steven got it and went back to the table with the two coffees and a chocolate chip cookie he thought Gabrielle would enjoy. He sat at the table and was about to say something when he realised that Gabrielle was lost in thoughts, looking at the birds singing on the other side of the window. His eyes almost blurred before what he thought was the most beautiful thing he'd ever seen. Gabrielle was looking at asters, which Steven thought resembled her, full of colours. The sun seemed to glide on her skin, it caressed her soft hands, her cheeks, and made her seem like she had stepped out of a Monet painting. Her red hair seemed to fuse with the sunbeams' gentle warmth, and her blue eyes seemed to emit green and gold sparkles that made the whole place shimmer in a graceful way. Her gaze softened when she saw that Steven was back. His visible embarrassment made Gabrielle smile helplessly. He was slowly blushing and becoming as red as her strawberry pin. His ears were the reddest, and with his blond hair, he reminded Gabrielle of a cute strawberry and vanilla ice-cream. She smiled from ear to ear, wondering how someone who seemed so detached from life and so discreet could be so beautiful when you began to know them, and she realised that beautiful things don't ask for attention.

Their conversation went quite smoothly and lasted until noon. Steven had never talked that much in his entire life. They both had learned quite a lot about each other, and agreed to come

again to this little cafe, together. When the time to part ways came, Gabrielle almost went for a hug but realised that it might not be the best thing to do, considering who Steven was and his personality. The next day, at work, Steven and Gabrielle were much more comfortable with each other, just as if they were in the cafe again. A little routine began between them, from coming to work to going back home. As time went by, they saw each other every day, and everyday their feelings for each other grew more and more. Steven slowly realised that he began appreciating life a little bit more every day. New feelings arose from his heart in response to random things, like the love for the smell of fresh bread that's just taken out of the oven, the desire to pet the stray cats that wander on the streets, or the happiness that filled his body after a little sunbath on a bench, accompanied by Gabrielle.

One day, Steven bought a bouquet of asters, which by now he had learned were Gabrielle's favourite flowers, and invited her to their favourite cafe. He had made sure that her favourite cookies were on display, and that there was enough caramel for her to have her favourite coffee. After lots of inside battles with himself and his anxiety through his reflection in his coffee, Steven finally had the courage to ask her what he had had on his mind for several months, but when he began to speak, he was interrupted by Gabrielle. He looked up and his eyes widened. Gabrielle had made a bouquet of flowers appear from beneath the table. Beautifully arranged flowers that created a harmony of colours and fragrance, creating an explosion of butterflies both in Steven's heart and in the cafe itself. She had beaten him to it, she'd asked him before he could do it. Steven cried with laughter, trying to tell Gabrielle he wanted to tell her first. She joined him in his laughter, creating a bubble of joy around them. Time flew differently in their little world, every minute felt like an eternity, leaving both Steven and Gabrielle time to live their love as much as they could.

Steven has come a long way since the beginning of our story, and sometimes, late at night, when Gabrielle is sleeping on his shoulder on the couch, he wonders how it was possible for him to transform so much, and for the better. And then, he remembers that to be loved is to be changed, and that even if each change might not seem like much, it's always just the right amount for you and for the person loving you.

Espagnol

Composition du jury

Raul Caplan, PR, directeur du laboratoire de recherche ILCEA4

Alice Carette, MCF en études hispaniques médiévales

Laurence Garino Abel, MCF en littérature espagnole contemporaine

Myrna Insua, docteure en histoire, lettres et langues étrangères, enseignante contractuelle, enseignante-chercheuse à l'institut universitaire national « Mères de la place de Mai »

Aurélien Talbot, MCF en traduction spécialisée (espagnol)

Coordinatrice pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Myrna Insua

No más correr

Manon Jaeger

Miraba el paisaje por la ventana del tren en el cual estaba con Ryo, mi mejor amiga, con destino a Montpellier para una semana de vacaciones entre chicas. En el programa: playa, cocteles, música, chismes y chicos guapos. Mientras la miraba en el reflejo, podía ver que estaba pensativa. Había vivido en esta ciudad durante siete años y vivía en Grenoble desde hacía cinco, así que no me sorprendía. Seguramente estaba recordando su pasado, quizás un poco nostálgica, no sé, nunca hablamos de su vida en Montpellier.

* * *

Paso por el pórtico del instituto, cabizbaja. Me miran, lo siento, lo sé. Me miran todos, incluso los que no conozco. Hablan de mí, se burlan o me critican, no sé. Julia se lo dijo, se lo dijo todo, les mintió. Pero voy, sola, a clase, al comedor, al recreo. Me escondo bajo mi capucha, le pido a Dios que me vuelva invisible. Aguanto esta situación cotidianamente, día tras día.

* * *

La voz del conductor anunció nuestra llegada a la estación central de trenes “*Gare de Montpellier Saint Roch, arrêt trois minutes*”. Salió de sus pensamientos como despertada por la voz robótica y me miró, nos sonreímos y bajamos del tren con entusiasmo. Nada puede ser mejor que una semana de sol y playa con su mejor amiga. Empezamos a andar por las calles del casco antiguo para ir a nuestro hotel. Ryo no paraba de hablar de su antigua ciudad, de reír viendo calles que reconocía y de contarme anécdotas todas tan extraordinarias las unas como las otras.

Esta chica era un rayo de sol en mi vida, era el estereotipo de la chica sociable, extrovertida y enamorada del prójimo. Era también muy empática, buena consejera y, sobre todo, era una cotorra. Nos conocíamos desde nuestros años en el instituto, cuando llegó a Grenoble. Ahora estábamos en la universidad en penúltimo curso, ella hacía estudios de filología e historia española, yo hacía estudios de derecho.

Llegamos al hotel y ya que estábamos cansadas, nos pusimos a dormir para poder ir de fiesta esa noche, ir a beber unas copas en un bar.

* * *

Me ducho durante media hora, encerrada en el cuarto de baño, frotando mi piel una y otra vez, hasta que mi padre me pida salir, para poder ducharse también. Me refugio en mi cama elevada con mi móvil y contacto a Julia, mi mejor amiga. Le explico todo, necesito desembucharlo todo, se lo cuento. Al inicio, ríe, y cuando insisto, se enoja. Grita que soy una mentirosa, que intento llamar la atención. No me cree, Julia no me cree. Nadie va a creerme. Estoy sola, sola como lo estuve frente a esa pared fría, fría como mis lágrimas que mojan mi almohada.

“Frotándome la piel una y otra vez,

Restregándola hasta que se ponga roja,

Refugiándome en mi cama,

Y meciéndome toda la noche bajo el dolor.

Flash, manos, pared, aliento, alcohol y

Pánico, súplica, llanto, huida.

Toda la escena como una película de terror,

Dando vueltas en mi cabeza,

destrozándome.”

* * *

Cuando nos despertamos de la siesta, nos preparamos y salimos a la ciudad, andando por la plaza de la Comédie. La noche era dulce en el mes de agosto, una ligera brisa nos refrescaba. Nos sentamos en un bar y pedimos dos cócteles mientras hablábamos de la vuelta a clases dentro de un mes. Después de hablar durante dos horas, de beber numerosos cocteles, Ryo se fue al baño.

Unos minutos después, que empezaban a hacerse eternos, la vi salir del bar. Había cambiado del todo. Ya no era la chica que se había sentado en la terraza del bar. Estaba tan pálida como

el mármol de la plaza, con los miembros temblorosos, parecía totalmente desorientada. Nunca la había visto así, nunca, no había ni rastros de la Ryo que yo conocía. Empecé a levantarme para alcanzarla, pero fue más rápida que yo: me agarró la mano pasando a mi derecha y me arrastró hacia la calle del hotel, corriendo.

“¡Ryo! ¡Ryo! ¡Joder! ¿Qué te pasa? Espérame un minuto por favor...”

Pero nada, nada podía pararla. Solo se paró cuando, no sé realmente cómo, estuvimos cada una sentada en la cama del hotel. Temblaba, hiperventilaba, se ahogaba, estaba teniendo un ataque de ansiedad, Ryo, un ataque de ansiedad.

* * *

Ojos de Satán, ojos del diablo, ojos del anticristo. Son sus ojos, verdes, verdes como el asco que me da. Verdes como la hierba bajo mis pies, cuando corro. Corro y corro y corro. Corre y corre y corre. Detrás de mí. Me persigue y grita. Grita mi nombre y entro en pánico aún más. ¿Cómo puede conocer mi nombre? Y corro, huyo. Y corre, caza. Como la oveja frente al lobo.

* * *

Tras su crisis, lloró durante treinta minutos hecha un ovillo en mi regazo y yo intentaba calmarla sin saber lo que había podido ponerla en tal estado. Cuando sus últimas lágrimas acabaron en mi vestido, levantó la cabeza hacia mí. La miraba sin decir nada, esperando que rompiera el silencio. De repente, abrió sus labios temblorosos y murmuró:

“Me encontró de nuevo, Emilia.”

¿Quién? Ni idea. Y cuando le pregunté, Ryo ya dormía, como extenuada por sus emociones. Durante un momento, pensé en volver al bar para entender lo que le había pasado, pero me quedé con ella, esperando que me lo explicara todo.

Por la mañana, Ryo y yo fuimos a una panadería para comer. Parecía cansadísima, ojeras violetas habían aparecido durante la noche. Sus ojos estaban rojos e hinchados por las lágrimas que había llorado y que podía llorar de un momento a otro. Esperé que bebiera su

café y después la miré, esperando que me contara lo que pasó la víspera. Sin que le dijera nada, empezó a hablar, con voz temblorosa.

“Lo sé Emilia, lo sé. Quieres saber lo que pasó ayer... Cuando vivía en Montpellier, iba a clases de baile con Juana, una amiga mía, por cierto, casi la única, estas clases eran cada lunes, de las siete a las ocho de la tarde. El club estaba a cinco minutos andando de mi casa y de la suya, ya que era mi vecina. Una vez, la clase fue un martes y no un lunes, y mi amiga no pudo venir conmigo. Fui sola a la clase, volví... sola. De noche en febrero, a las ocho de la noche, pasé por el parque detrás de mi casa. No había luz y había alguien, detrás de mí... Tenía catorce años...”

* * *

La pared de hormigón fría contra mi mejilla me trae de vuelta a la realidad. Sus manos que me aprisionan, que me arañan la piel, se marcan a fuego en mi mente. Mi epidermis parece quemarse bajo sus dedos que recorren cada centímetro, que se introducen en mis mallas. El tiempo parece suspendido, su aliento alcohólico se estrella contra mi nuca. Me debato en el vacío, le suplico que me libere y sus brazos me encierran aún más. No sé cuánto tiempo después, con no sé cuál impulso, logro liberarme con una patada detrás de mí. Cruzo la mirada con él y corro, corro para sobrevivir.

* * *

Después de haber escuchado el relato entero de Ryo, me quedo sin palabras, mirándola. Su agresión, su huida, Julia que no la creyó, su soledad en el colegio después de los rumores difundidos, y sobre todo, su mutismo hasta hoy, ya que ayer creyó haber reconocido a este monstruo en el bar de la víspera. No presentó una denuncia contra él, no lo había contado a quienquiera que fuera desde ese día, pero con mi ayuda, este cerdo pagará por lo que hizo.

* * *

Hoy voy a presentar una denuncia contra él. Entro en la comisaría y me siento delante del policía que va a escucharme.

*“Buenos días, soy Ryo J*****, estoy aquí para presentar una denuncia*

- Hola señora, pues sí, la escucho.

*- Quiero denunciar al camarero del bar ***** de Montpellier por agredirme el 14 de febrero de 2018, en el barrio de *****.”*

Soy Ryo y no soy una víctima, fui blanco de una agresión sexual. Víctima sobreentiende fragilidad, pasividad, lo que fui, pero ya no. No soy frágil, tengo el control, o retomo el control presentando esta denuncia. Mi vida no gira y no girará alrededor de él, de lo que hizo, lo que me hizo. Paro de huir, le hago frente. Voy a darle ansia de correr, voy a cazarlo, es su turno.

Resurrección sin alma

Brayan Roy Ortega Polo

Una tarde Stephen, profesor de la Universidad Nuevas Tecnologías, especialista en inteligencia artificial, tomaba un café en la plaza central de la ciudad mientras leía la primera plana del Diario *El Principal* que informaba: “...el proyecto transhumanista PROGRES que permite reemplazar los órganos de los seres humanos por otros artificiales, dotando un cuerpo sin vi...”

–No es conveniente salir en primera plana en ese tipo de periódico.

Alguien le habló mientras le tocaba el hombro. Stephen se dio la vuelta para percatarse de quién se trataba.

–¡Oh! Smith ¿Cómo has estado? ¿Qué te trae por acá?

–Nada, a menudo vengo por un café antes de ir al club de tenis.

–¡Entiendo! No habría imaginado que jugaras tenis, doctor Smith.

Smith no dijo nada, se sentó mientras lo observaba durante dos o tres segundos.

–Me imagino que en ese diario han distorsionado el proyecto. De seguro dicen que va a exterminar a la humanidad– le dijo irónicamente.

–No lo creo, apenas lo iba a leer.

Stephen leía en voz alta mientras Smith escuchaba.

–Efectivamente, han desvirtuado el proyecto. Según el diario, somos unos macabros que destruiremos la humanidad– dice Stephen tirando el diario sobre la mesa. ¿Qué carajos quieren? preguntó. Se muestran contentos porque les das la posibilidad de ser casi inmortales viviendo con órganos artificiales, pero cuando hablas de inteligencia artificial y de un prototipo capaz de superar la inteligencia humana, no se muestran de acuerdo. Te imaginas si les decimos que ese prototipo puede desarrollar una personalidad y sentimientos que...

–Pues, de eso mismo quiero hablarte Stephen– le interrumpió Smith. A mí me parece que estás yendo demasiado lejos con eso de la personalidad. Te he ayudado en ciertos puntos

específicos y me parece que ayudar a las personas a vivir un poco más de tiempo con órganos artificiales es estupendo, pero la idea de crear una persona a partir de un cuerpo humano...

–Un cuerpo humano sin vida– retomó Stephen.

–Igual me parece descabellado. Además de ser autónomos y dotarlos de personalidad propia representa un riesgo– finalizó Smith.

–Smith, creo que no deberíamos hablar de esto, no es el lugar indicado, lo mejor es hablar en el laboratorio y tú más que nadie sabes que te necesito para que aprueben el proyecto.

–Está bien Stephen, nos vemos el martes.

–¿En mi laboratorio a primera hora?

–Sí– respondió Smith.

Stephen se quedó leyendo una columna sobre el aumento de abusos en niños. Esa noticia le recordó aquella gélida mañana en la que salió de la casa de sus tutores hacia la escuela. Solía pasar por el atajo del bosque, a dos calles de su casa, que le permitía llegar diez minutos antes de la hora de entrada a clases. En medio del bosque, había una cueva conocida como “la cueva de los murciélagos”. Stephen pasaba justo al lado, oía los pájaros y el crepitar de las hojas caídas mientras caminaba. El otoño ya terminaba y el sendero estaba cubierto por la neblina. Un ruido lo alertó, se dio la vuelta instintivamente, siendo arremetido con brutalidad por dos individuos, Chris y Will, dos estudiantes de último año que lo arrastraron hasta la cueva ; él se resistía, gritaba, pero fue imposible. Stephen fue violado aquella mañana. Chris y Will lo dejaron tirado y se apresuraron para no llegar tarde a clases. Stephen nunca dijo por qué llegó tarde ese día a la escuela.

Al llegar a su casa, Smith le contó a su esposa que tenía ciertas dudas con el proyecto PROGRES, que ya había realizado algunos informes señalando los desacuerdos con algunos puntos importantes del proyecto.

Smith dudaba de la viabilidad del proyecto, pero sobre todo de las verdaderas intenciones de Stephen. La mañana siguiente se dirigió hacia la escuela secundaria de Stephen para saber un poco más sobre él. Smith obtuvo información hablando con la psicóloga de la escuela. Resulta que el último año de escuela, Stephen tuvo que asistir obligatoriamente a una sesión con la

psicóloga Denis Hogares luego de haber golpeado a un compañero que había pegado a su espalda una nota que decía: *golpéame estoy loco*. En sus apuntes, la Sra. Holgares, psicóloga de la escuela, escribió: pasado con experiencia de vida decepcionante, acontecimientos traumáticos, situaciones familiares complicadas, refleja odio hacia los humanos, parece gozar de la desgracia de los demás, está satisfecho de sí mismo, auto-aislamiento, indiferente, egocentrista, posibles ¿trastorno bipolar? o ¿misantrópía?

–Su juventud fue muy trágica, la muerte de sus padres, cuando tan solo tenía seis años, y los abusos sufridos durante sus años de secundaria, forjaron una personalidad particular en Stephen– le contó la Sra. Hogares. Smith se fue, sorprendido.

–No puedo permitir que él esté a cargo del proyecto– se repetía a sí mismo una y otra vez.

Él sabía que Stephen debía programar los prototipos y que ciertamente adoptarían su personalidad perturbada como modelo.

Algo muy cierto era que Stephen estaba obsesionado por crear un humanoide capaz de desarrollar una personalidad propia. Nunca descansaba, en el día trabajaba en el laboratorio, dedicado a crear un prototipo a partir del cuerpo de un joven que había sido donado a la ciencia. Cuando llegaba a casa, trabajaba en el sótano con otros cuatro prototipos cuyos cuerpos eran de identidades desconocidas. El mismo hacía el procedimiento, reemplazaba cada órgano como si de piezas mecánicas se tratase. Uno de sus prototipos ya estaba listo, se encontraba en la fase de aprendizaje y adquisición de la personalidad e imitación de los sentimientos humanos, Stephen el modelo por seguir. Este tenía la facultad de tomar información de los comportamientos humanos para crear su propio comportamiento hasta volverse autónomo, teniendo la destreza suficiente para crear otros prototipos. Así, el profesor Stephen aseguraba la continuidad de su proyecto de transformar seres humanos en humanoides.

El martes por la mañana Stephen llegó al CINT (Centro de Investigaciones de las Nuevas Tecnologías) acompañado de una mujer, algo que era notablemente extraño porque se le conocía solitario y poco sociable. Muchos lo describían como malhumorado, insensible, arrogante y hasta atemorizante. Algunos estudiantes y profesores que conocían a Stephen, se cuestionaron sobre la identidad de la misteriosa mujer con la que recorría los pasillos del

CINT. Camino a su laboratorio, Stephen y la mujer se encontraron casualmente al director general de CINT.

–¡Stephen! Stephen, espera por favor.

Stephen se detuvo.

–¿Sabes por qué Smith quiere hacer una reunión extraordinaria acerca del proyecto PROGRES mañana por la tarde? ¿Surgió un problema? Me dijo que era importante.

–¡No! No tengo la menor idea Walker– respondió sorprendido.

–Espero que sea importante.

Stephen se quedó en silencio por un instante y respondió con un gesto, levantando los hombros con una tibia sonrisa.

–No lo sé Walker.

Continuó con la mujer hacia su laboratorio, ubicado después de la oficina de Smith, mientras pensaba.

–Oh mi buen amigo Smith, por qué me obligas a hacer esto.

Smith se dirigía en coche hacia el laboratorio para reunirse con Stephen, mientras escuchaba en la radio la noticia sobre la desaparición de una mujer, siendo esta la sexta en la ciudad en poco menos de dos años.

–Pero, ¿qué carajos pasa?– se cuestionó Smith sobre las desapariciones.

Minutos después llegó al CINT y se dio cuenta que la puerta estaba abierta.

–Qué extraño– se preguntó Smith, encontrando sobre su escritorio un recorte de periódico; era una noticia de 10 años atrás: “La policía inspeccionó el lugar. Encontraron dos cuerpos desmembrados. Sus genitales fueron arrancados con pinzas cuando aún estaban con vida. Will y Chris eran las identidades de las víctimas”. Smith quedó estupefacto cuando lo leyó, y le propagó el miedo por todo el cuerpo. Reposó sus trémulas manos sobre el escritorio, inclinó levemente la cabeza hacia el suelo, la angustia lo consumía, se cuestionó una y otra vez, hasta que decidió ir a ver a Stephen.

Smith llegó al laboratorio tenso y desconfiado. Al entrar Stephen lo miraba impasible y sombrío, con la boca cerrada, su rostro parecía ennegrecerse como esa nubes de atardeceres tempestuosos.

–Siéntese doctor Smith– le dijo Stephen mientras escuchaba *Requiem*, aquella sinfonía que Mozart compuso en su lecho de muerte. “Dale señor el descanso eterno” se escuchaba en los coros.

–No, no tomaremos mucho tiempo– respondió Smith.
Stephen sabía lo que le iba a decir, era evidente para él.

–Bueno, no perdamos tiempo, ¿quiere tomar algo?

Smith se quedó en silencio, vaciló un poco y aceptó un vaso con agua. Stephen se lo sirvió, al mismo tiempo que le preguntó:

–¿No quieres que el proyecto siga? ¿Es lo que quieres decirme, no?

Smith sorprendido veía cómo el aspecto de Stephen era más y más escalofriante. Smith no bebió el agua y puso el vaso sobre la mesa, pensando que quizás iba a ser envenenado.

–¡Sí!, así es.

–Déjame mostrarte algo Smith, quizás cambies de opinión. ¡Misos! Ven acá por favor– llamó a la misteriosa mujer en voz alta.

–¿Misos¹?– se cuestionó Smith.

La mujer salió de la habitación, se presentó. Smith se sorprendió al escuchar a la mujer.

–Smith, Misos es el primer prototipo de humanoide desarrollado. Tiene personalidad propia y puede relacionarse fácilmente, como si tuviera sentimientos. Escucha, no me fue fácil conseguir el cuerpo, pero bueno todo tiene un precio. Smith comprendió que se trataba de una mujer a la cual Stephen había asesinado para transformarla en humanoide.

–Es por eso que no continuaremos con el proyecto, no tienes límites– dijo Smith.

¹ Μίσος (misos) significa “odio” en la Grecia Antigua.

–Mírala Smith, ella es fascinante– dijo Stephen mientras la sinfonía seguía, “confundidos los malditos arrojados a las llamas”.

Smith se distrajo contemplándola. Stephen aprovechó, avanzó dos pasos rápidamente sacó una inyección de su bolsillo derecho, se la aplicó.

–¡Ay!¿Qué haces?– gritó Smith mientras Misos y Stephen lo sostenían.

Smith estaba anestesiado, inmóvil, pero consciente. Lo tumbaron en una camilla. Stephen comenzó, agarró el bisturí, lo insertó con precisión y con la profundidad suficiente para no dañar ningún órgano. La incisión continuaba, le abrió su cuerpo desde la tráquea hasta la pelvis, dejando expuesto sus órganos. Smith casi inconsciente se desangra poco a poco y su ritmo cardiaco disminuyó lentamente, sus ojos se cerraron, su respiración se detuvo. Sus órganos fueron extraídos con una precisión quirúrgica, uno a uno. Stephen lo disfrutaba, su felicidad era evidente, pero aterradora.

–¡Oh! mi querido Smith, tú lo quisiste así, ya está, ahora eres uno de los míos– expresó Stephen.

Se reflejaba en su rostro una sonrisa espeluznante, mientras implantaba cada órgano artificial, incluido el cerebro.

Con Smith fuera de camino, transformado en humanoide y bajo sus órdenes, Stephen tenía asegurada la aprobación del comité del proyecto para lograr la transformación de una sociedad de humanos hacia una de humanoides.

–Ha llegado el fin, una nueva era comienza– exclamó Stephen.

El padre

Chiara Misiti

Faustino vivía en Italia, más precisamente en Roma. No tenía hermanos, era el único hijo de la familia. Sus padres Ángel y María vivían en España antes de que él naciera, en el año dos mil dos, pero se mudaron mientras su mamá estaba embarazada. Desde que Faustino nació, adoraba a su papá, siempre estaban juntos. Faustino estaba con su padre también cuando este último trabajaba. Siempre le contaba la historia de los tres cerditos. Faustino amaba con locura esta historia, siempre quería que su padre se la contara. Pero un día, de repente, cuando Faustino tenía siete años, regresó de la escuela y su padre no estaba en la casa, algo muy raro porque su padre siempre estaba allí cuando él regresaba. Su niñera no quiso decirle por qué. La verdad era que el padre de Faustino tuvo un accidente muy grave, con el coche y su vida corría peligro. Más tarde, cuando la mamá de Faustino se lo dijo, se fueron juntos al hospital para verlo. Su padre no se encontraba muy bien, la verdad era que se encontraba fatal. Entró en coma y en pocas horas se murió. Cuando le anunciaron la terrible noticia a Faustino, él no lo quiso creer, para él era imposible, su papá querido, su papá a quien amaba con locura, su ejemplo, no podía morir, no tan temprano. Rechazaba la realidad. Desde ese día, la vida de Faustino cambió brutalmente. Se obsesionó con el cuento que siempre le contaba su padre: los tres cerditos, porque esta historia le hacía sentirse cerca de su papá, ya no le quedaba nada de él, excepto esta historia. Cada vez que veía un cerdo pensaba que era su papá que le enviaba una señal del cielo, y a veces también pensaba que se había reencarnado para verlo de nuevo. Su obsesión con la historia de los tres cerditos se volvía cada día más inquietante. Su mamá se preocupaba mucho, lo intentaba todo, ya lo había llevado a ver muchos psicólogos, pero ninguno pudo ayudar a Faustino. Todos le dijeron que era un caso perdido, que nadie podía hacer nada para ayudarlo, que se había vuelto loco y que su madre solo tenía que llevarlo al hospital psiquiátrico, que esta era la única solución. Su madre estaba desesperada, ya no sabía qué hacer para ayudar a su hijo, no lo quería internar en un psiquiátrico, a pesar de todo era su hijo.

Tres años después, Faustino tenía diez años. Seguía obsesionado por los cerdos y una noche mientras Faustino no lograba dormir porque como siempre pensaba en su padre, empezó a

sentir dolores inexplicables en el cuerpo. Al día siguiente, al despertarse, vio que su cuerpo había sufrido una transformación por lo menos rara... Su piel se había vuelto rosácea como la de los cerdos. Poco a poco, durante las noches siguientes, el cuerpo de Faustino empezó a transformarse cada vez más. La transformación le dolía cada vez más, era un dolor inexplicable. En dos años se convirtió en un cerdo. Su madre lo había llevado durante estos dos años a ver muchos médicos, nadie podía explicar lo que estaba pasando, era un fenómeno incomprensible para todos los médicos. Faustino se parecía totalmente a un cerdo, ya no parecía humano, ni siquiera su mamá lograba reconocerlo, ella era la única que no lo rechazaba, todos lo rechazaban y se burlaban por culpa de su apariencia. Cuando veían que Faustino llegaba, siempre imitaban el ruido del cerdo: «¡kurrin kurrin, Faustino está llegando!», se exclamaban a menudo sus compañeros. Faustino ya no quería salir, siempre quería quedarse en casa, ya no iba a la escuela como todos los niños de su edad, se quedaba casi siempre en su habitación. Su madre tenía que insistir mucho para que saliera de casa por lo menos una vez por semana, para que pudiera tomar el fresco. Faustino estaba desesperado. No tenía amigos. Empezó entonces a sufrir una depresión muy grave por culpa de su transformación y también por lo de su padre que nunca había superado. Su vida estaba arruinada, ya no era como los niños de su edad, ellos salían a jugar al fútbol, iban al cine, Faustino no hacía nada de todo esto, siempre se quedaba en casa, y salía muy poco. Había pensado muchas veces seriamente en quitarse la vida, para acabar con todo este sufrimiento. Su carácter también había cambiado totalmente, ya no era el chico tan amable y bueno que era antes, se había convertido en un ser siempre triste y las críticas de los demás lo habían cambiado, se había convertido en un ser malo e insoportable. La vida de Faustino se había convertido en un infierno, siempre se preguntaba lo que hubiera sido su vida si su padre no hubiera muerto. Estaba tan triste que poco a poco empezó a pensar que si todo eso pasaba era culpa de su padre, que si no hubiera muerto, no hubiera desarrollado esa obsesión por los cerdos y entonces no se hubiera transformado. Poco a poco empezaba a odiar a su padre, a su querido padre ya no le amaba con locura sino que le odiaba con toda su alma. Empezó a culparle de todo, pensaba que si todos se burlaban de él era también culpa de su padre. Pensaba que su padre había planeado su muerte para arruinarle la vida y que todo esto formaba parte de un plan para destruirlo. Para destruir toda su vida, y que además lo había logrado. Empezó a pensar que su padre nunca le había amado, y que toda su vida era una simple mentira. Cuanto

más lo odiaba, más comenzaba su cuerpo a cambiar poco a poco, pero esta vez sin dolor. Cuanto más cambiaba, más se asemejaba a un humano, pero todavía no totalmente. Faustino empezaba por fin a ser feliz poco a poco, pero cada día un poco más. Cuanto más cambiaba su cuerpo, más era feliz. Empezaba a salir de su casa cada día, algo que no hacía desde hacía muchos años. Y un día, cuando por fin se despertó, vio que finalmente había vuelto a ser como antes, totalmente humano, su corazón se llenó de alegría. Pero una cosa no había cambiado, Faustino seguía odiando a su papá con toda su alma. Su mamá trataba de hacerle cambiar de opinión, le decía que su padre no tenía la culpa de nada, que la vida era así, injusta, y que su padre solo tenía la culpa de haber muerto. Pero nada le hacía cambiar de opinión, era muy terco y para él una cosa era cierta: la culpa de todo la tenía su papá.

Muchos años pasaron y no se sabía muy bien si Faustino odiaba todavía a su padre, nunca hablaba de él, era completamente indiferente al tema, ya no lo nombraba desde hacía mucho tiempo, ni siquiera para insultarlo como lo hacía antes. Entonces, vivía su vida sin nunca más mencionar a su padre como si nunca hubiera existido. Había obtenido un diploma de abogado, su mamá estaba muy orgullosa de él. Se había convertido en un gran abogado muy famoso en Italia, también se había casado con una mujer maravillosa y pronto iban a tener un hijo. Efectivamente su mujer estaba embarazada y estaba a punto de dar a luz. El día más bonito de su vida llegó: el treinta y uno de octubre, a las nueve de la mañana Ángel nació. «En el corazón del bosque vivían los tres cerditos, que eran hermanos», esta fue la frase con la que Faustino dio la bienvenida a su hijo.

Français

Composition du jury

Julie Darnand, responsable de la bibliothèque de l'UFR SoCLE, enseignante de FLE

Filippo Fonio, MCF en études italiennes, directeur adjoint de l'UFR en charge des relations internationales

Sylvie Martin-Mercier, MCF en études italiennes, directrice adjointe de la CSPM H3S

Coordinateur pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Filippo Fonio

Fils de Kafka

Julia Calero I Pastor

Paul est parti à Prague il y a cinq mois pour continuer ses études. Nous avons toujours vécu à Barcelone mais il rêvait depuis longtemps d'abandonner cette métropole qui lui avait tout donné et de partir explorer au-delà des frontières de son petit pays. Dès que Lyna et moi nous sommes séparés, commença une bataille constante : élever un enfant en tant que parent célibataire. J'étais conscient que nous vivions dans un monde qui ne me permettait pas toujours de donner à nos enfants la liberté dont ils avaient besoin. Cependant, Paul a grandi dans un environnement tolérant et sûr ; un coin de lumière dans l'obscurité qui envahit, plus que nous ne le voudrions, la petite enfance.

Au contraire, moi je suis né avec l'arrière-goût amer de la dictature, les espoirs déçus d'une transition insuffisante ayant subi les conséquences de décennies de misère et de cruauté. Je suis un enfant du silence, de l'absence d'émotions, d'un foyer marqué par la religion, la soumission et la honte. Je viens d'une maison de peu de mots, d'expressions inexorables et de secrets inexplicables. Cependant, j'ai atteint l'âge adulte dans une atmosphère de renouvellement, de rupture avec la société ; une rébellion qui me montrait un monde complètement différent du mien.

J'en suis donc arrivé à la conclusion que, malgré une relation paternelle digne de Kafka, j'ai réussi à éviter de ressembler à la figure autoritaire et distante qui nous a élevés.

Paul vient d'arriver de l'aéroport et je vois maintenant la jeunesse dans ses yeux, une étincelle de vie rayonnant sur son visage fier d'avoir osé se faire tatouer la ville qu'il porte dans son cœur ; ses gestes désinvoltes alors qu'il me raconte son voyage à Prague. Comment pourrais-je être indifférent à cet étalage de vitalité ?

Hier, je pensais vouloir écrire une lettre pour mettre de côté les années silencieuses et symboliques de mon adolescence, mais en l'écoutant parler, je comprends que ce qui est vraiment nécessaire, c'est d'écrire à ce jeune homme qui envahit toutes mes pensées. En l'observant, je commence à esquisser la structure de la lettre que je vais lui écrire. Je ne l'écrirai pas lors d'un moment tragique, je ne veux pas qu'elle reste une anecdote presque

cinématographique le jour où on m'enterrera ; je l'écrirai ce soir, je choisirai l'enveloppe la plus austère que je puisse trouver et je la mettrai dans son sac à dos avant qu'il reparte.

Je ne sais pas encore tout ce que je lui dirai : à un moment je lui reprocherai sûrement le monstre indélébile qu'il s'est fait dessiner sur la peau du dos, et je critiquerai peut-être légèrement cette boucle d'oreille de pirate qui pend à son oreille.

Mais je veux me faire comprendre, lui faire voir que nous avons une relation père-fils très différente de celle que j'ai connue. Je ne veux pas non plus que ce soit un étalage épistolaire larmoyant, je veux juste lui parler comme un père, comme un confident et un soutien pour un jeune homme encore trop innocent.

Après l'émotion des retrouvailles, nous nous asseyons à table et nous nous remémorons des moments de son enfance et de son adolescence, nous rions avec insouciance et savourons chaque seconde de cette conversation qui ne durera que jusqu'à ce que l'agitation de Barcelone nous empêche de la poursuivre. Pendant qu'il débarrasse la table, je m'installe sur le canapé, je ferme les yeux et j'imagine la syntaxe et le lexique jusqu'à ce que mes paupières soient lourdes et que je m'abandonne à la chaleur du foyer.

Un peu plus tard, je me réveille de ma sieste réparatrice pour trouver le regard verdâtre de mon fils qui me fixe de l'autre côté de la salle à manger. Je me redresse et attends quelques secondes qu'il ose commencer son récit. Sa voix tremble et il joue inconsciemment avec la bague qu'il porte à l'annulaire de sa main gauche lorsqu'il m'annonce en larmes qu'il ne peut plus être mon fils.

Et après cette déclaration qui me laisse stupéfait, il m'explique qu'à Prague il a trouvé des réponses à des doutes qu'il n'avait jamais su affronter, qu'il s'est retrouvé et qu'il souhaite assumer sa vraie identité.

Et soudain, elle arrête son monologue et ose me demander si je suis déçu.

Et je sens un flot d'émotions envahir mon discours alors que je me lève, je la prends dans mes bras et lui fait promettre de ne jamais douter de mon amour inconditionnel pour elle. Je lui tiens les mains, caresse sa joue et essaie de comprendre chaque mot qui sort timidement de sa bouche. Elle me parle des amitiés qui l'ont aidée à entamer ce voyage, des questions qu'elle

n'avait jamais osé affronter, de la première consultation avec un médecin qui la mettra sur la voie de la transition...

Nous passons ainsi des heures : elle exprimant avec véhémence un discours qui était resté trop longtemps enfermé, moi, tous mes sens concentrés sur ce qu'elle me dit, regardant tendrement ce corps qui s'est trop longtemps senti perdu. Finalement, nous nous arrêtons et restons enlacés pendant un temps indéterminé... puis elle se lève, et me laisse seul avec mes pensées.

Plus que jamais, je ressens le besoin de lui écrire, de lui réaffirmer mon soutien, de lui montrer combien je suis fier d'avoir une fille assez courageuse pour revendiquer son existence dans un monde aussi hostile et sanglant. Je passe la nuit à écrire, page après page, jusqu'à ce que je pense avoir capturé l'essentiel de toutes les pensées qui ont traversé mon esprit cet après-midi, et je mets la lettre dans les vêtements qu'elle a apportés pour le week-end.

Malgré l'intensité du samedi, nous nous levons tôt pour prendre le petit-déjeuner ensemble avant qu'il soit temps de se dire au revoir. Alors que le café est encore fumant et que deux tranches de pain grillé à la tomate sont devant nous, Chloé m'observe depuis l'autre bout de la table. Elle semble avoir encore quelque chose à me dire, et je suis effrayé à l'idée qu'elle parte avec le sentiment qu'elle ne peut pas me faire confiance. Je refuse que cette crainte nous éloigne.

« Ma chérie, tu es sûre que tout va bien ? »

Elle lève ses yeux et son regard émeraude me transperce l'âme. Mais quelque chose a changé depuis hier : un léger sourire illumine désormais son visage. Elle a rencontré quelqu'un. Quelqu'un qui l'attend à Prague, qui lui tient la main dans la rue et l'embrasse sur le front la nuit ; quelqu'un qui ne la juge pas et avec qui elle se sent en sécurité. Je pousse un soupir de soulagement et lui assure que c'est une excellente nouvelle, pendant que je me remémore mon premier amour.

On finit le café, les heures passent trop vite et, avant que je ne m'en rende compte, il est temps de ramener Chloé à l'aéroport. L'atmosphère pendant le trajet en voiture est un peu tendue, et je me sens mal de ne pas savoir comment communiquer verbalement ce que j'ai écrit dans ma lettre, mais je sais qu'elle pardonnera le manque de mots.

Nous arrivons aux contrôles de sécurité et je ne suis pas autorisé à l'accompagner jusqu'à la porte d'embarquement. Nous nous regardons sans un mot et nous nous enlaçons dans une étreinte tendre et douce ; elle m'embrasse sur la joue et part, se perdant dans la foule des voyageurs.

Je prends le chemin de la maison et soupire en pensant comme tout a changé depuis la première fois que j'ai eu ma petite puce dans mes bras.

Elle est devenue la claire représentation de l'irrévérence de la jeunesse, de l'instabilité naïve des corps pleins de vie et d'espoir, de la provocation constante contre le pouvoir immobile ; elle est l'image vivante de la diversité qui compose notre monde.

Italien

Composition du jury

Mara Capraro, doctorante, enseignante d'italien

Filippo Fonio, MCF en études italiennes, directeur adjoint de l'UFR en charge des relations internationales

Sylvie Martin-Mercier, MCF en études italiennes, directrice adjointe de la CSPM H3S

Emanuela Nanni, maître de conférences en études italiennes

Diego Pellizzari, ATER en études italiennes

Chiara Zambelli, doctorante, enseignante d'italien

Coordinateur pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Filippo Fonio

Il sogno

Laura Gonella

"Iddio santo... è lui."

Alzò la testa dal libro, mi guardò, lo avevo detto ad alta voce.

"Come, scusi?"

"Lei... è lui: l'uomo del mio sogno."

Strinse un po' le labbra, abbassando il capo, anzi no, sorrise tanto da mostrare i denti.

"Mi scusi, signore, so che non dovrei ma, è proprio incredibile, è... è assurdo. L'ho sognata questa notte."

"Non mi ricordo di averla mai vista, signorina."

"Ed io neppure! Questa notte fu la prima volta che l'incontrai. In sogno."

Chiuse il libro. Decisamente incuriosito.

"Posso?"

E avevo già la mano sulla copertina. *Il Maestro e Margherita*.

"Oh, non bestemmiare!" intimai a me stessa tappandomi la bocca.

Rise ancora – com'era bello – della mia goffaggine.

"L'uomo dei suoi sogni legge Bulgakov?"

Mi sedetti per non svenire.

"... no... sì... è che avevo cercato il libro ma non volevo più leggerlo e quindi, be', si è ritrovato anche lui nel mio sogno e... Ma lei non rida! Non capisce: è incredibile!"

"Non la sto burlando assolutamente, lei è molto intrigante signorina."

"..."

"Mi racconti il suo sogno."

"Mai e poi mai! Lasci perdere, mi dimentichi, sto sognando ancora! Non posso raccontarglielo."

"... Allora lo scriva."

"Come?"

"Se non può raccontarmelo direttamente, lo faccia per iscritto. Non la giudicherò. È solo un sogno."

"... era meraviglioso." Sospirai.

"Avanti, me lo deve: sono l'uomo dei suoi sogni!"

Sorrisi a mia volta. Lo guardai. Da non crederci. Cercai nel mio zaino carta e penna. E cominciai a raccontare.

"Eravamo seduti esattamente come ora, in diagonale. Il treno andava a questo modo, cullandoci nel tramonto. Così chiaro che potevo scrivere senza usare luci artificiali. E lei leggere ugualmente. Come proprio adesso stiamo facendo... Lei era così com'è in questo momento. Lei era proprio... lei. Ah! Non riesco a esprimermi. Come spiegarle? Io la vedo ora, con la stessa luce, i polsi piegati nello stesso angolo per tenere il libro, le sopracciglia immerse nella lettura e il respiro lento e calmo di questa notte. Io nel mio sogno non la guardavo perché mi sembrava di non aver bisogno di studiarla cogli occhi per conoscerla: come per una cosa sempre nota, avevo tutti i suoi lineamenti disegnati in modo chiarissimo nella mia mente. Perché fingere di cercare ancora?"

Lei, signore, non mi giudichi, lo ha promesso. Era un sogno, lo ha detto benissimo, e niente nei sogni rispetta le leggi della veglia, tutto è assurdo e allo stesso tempo così ovvio: lei disse questa cosa che ora le può sembrare oscena, nella maniera più naturale e libera possibile." Come i vecchi che vanno con l'ombrello a mo' di bastone per aiutarsi a camminare e che per istrada ci rivolgono la parola all'improvviso: "Se avessi preso il bastone, signorina, oggi

avrebbe piovuto. E invece ho preso l'ombrello, per questo c'è il sole." Lei signore, nel mio sogno, mi perdoni, non sono sfacciata, mi creda, è lei che lo disse. Teneva gli occhi giù nel libro, il treno andava cullandoci e lei disse:

"Ho voglia di fare l'amore con lei."

Iddio santo l'ho detto, non me lo rimproveri ora, è lei che mi ha spinto a raccontare. Ora non m'interrompa più, voglio di nuovo immergermi nel mio sogno.

Alzai la testa dal mio foglio per vederla chino sul suo romanzo. Aveva un sorriso leggero e quieto sulle labbra, niente di sfrontato. Alzò la testa verso di me e aggiunse:

"Se già il treno la sta cullando, potrei a maggior ragione cullarla anch'io."

Ed ecco la logica dei sogni, voleva convincermi con la ragione a lasciarmi andare a lei. Cosa per la quale non avevo bisogno di nessun argomento.

"Non ci pensi", dissi sottovoce, "c'è troppa gente intorno."

"Ma se siamo soli, signorina!", e di nuovo aveva questo stesso sorriso che aveva prima quando ha detto che non si burlava di me.

Io mi alzai dal mio sedile per andare a guardare e, incredula, vidi che in effetti eravamo soli sul treno.

"Ma chi guida il treno allora? "

"Io."

Mi girai e la vidi in piedi, davanti a me. Nudo.

Stranamente, non riabbassai lo sguardo. Ma neanche guardai il suo corpo, mi rivolgevo ai suoi occhi, conoscendoli già a menadito come ho spiegato prima. Aveva un atteggiamento molto serio. A dire il vero, anche quando rideva non si separava mai da questa grave sincerità.

"Non sia ridicolo."

"Potrei dire lo stesso di lei."

E mi resi conto che in questa situazione, di una vestita e uno nudo, la norma più non esisteva, e anzi, ridicolo era quello che più dei due provava disagio. Fu così che quando riaprii gli occhi, mi ritrovai... molto meno ridicola. Ma mi voltai comunque dall'altra parte:

"È inutile! Lei è un arrogante e un prepotente! Non si fa l'amore sui treni, e ancor meno con gli sconosciuti! Vada via, non voglio più vederla."

Dopo qualche secondo, sentii che dietro alle mie spalle andava al finestrino. Immagino che staccò una tenda e ne strappò due lunghi lembi. Mi girai ed era proprio dietro di me. Quindi ora, davanti a me. Il mio viso era a portata del suo alito. Prese la mia testa fra le mani, per guardarmi meglio. Io mi aspettavo un bacio e chiusi gli occhi. Ma in questa posizione quel bacio non arrivò, e invece lei sugli occhi mi legò il nastro. E mi disse soltanto:

"Come desidera."

Esigei l'altro nastro e lo legai sui suoi. A quel punto, signore, non ci vedemmo più. Ma nel mio sogno, il buio non c'era, e vedevo anzi meglio di prima. Non ero uscita dal mio corpo per vederci in terza persona, no. Ero me stessa, sotto la mia pelle, ma avevo nuovi occhi. Come credo che li avesse anche lei. Sapevo che lei comprendeva il mondo grazie a un occhio che io non possedevo – ancora. Un occhio che si apre per conto suo e piange quando ride. Lo sentii sfiorarmi più o meno insistentemente. Ma non ancora guardarmi dentro. Lei, signore, aveva deciso di mettere dieci occhi su di me. Cominciò che eravamo ancora in piedi a passare la punta delle dita sul mio mento, come per ridisegnarlo. Mi ritirai buttando la testa all'indietro, forse per presentarle il mio collo. E lei, a sentirsi rifiutare la mia pelle, venne a cercarla con tutta la mano, afferrò come per avvolgerla alla mia gola e sollevò il palmo perché, odioso, volle concedere solo strisce di falangi al mio petto. Sapeva sicuramente che soffro il solletico sotto l'ombelico, e mi propose un dito più morbido, più bagnato e roseo nella nostra cecità. Una lingua dolcemente esitante, morse balbettante, punto trattino: scie rinfrescanti sul basso ventre. Allora mi accovacciai anch'io, e presi ad accarezzarla coi miei capelli – o coi miei capezzoli, non ricordo bene, ma che vuol che siano, tre letterine in più –, a strofinarmi alla sua barba, ad impigliarmi nei pascoli, volli entrare in lei. Per questo la feci entrare in me. Chi glielo chiese? Preferisco pensare che venne per sua iniziativa. Tutti i miei occhi erano ormai ciechi e quando sentii che i suoi stavano provando i miei occhiali, mi allacciai a lei,

premendomi sempre più forte alla fonte di tanto piacere. La mia bocca cercò di soffocarsi, inappagata da tutta quella polpa che ingoiava perdutamente. E per un po' discusse con la sua gemella, lassù. Vidi rosa di nuovo, e blu, giallo fondersi come nel tramonto, nuvole accarezzarsi con mani di cherubini, e fiori di cotone soffocarmi ancora. Mi ricordai poi del suo dito più basso, e venne voglia di ridere anche a me. Finalmente era giunto il tempo per la mia bocca baffuta laggiù di smettere di rosicchiargli l'unghia. Ma che modi sono, mangiarsi le unghie! La logica lo voleva, lo imponeva: ora non la vedevo più, né il treno che ci fungeva da letto, e non eravamo più degli sconosciuti. Poiché lei mi chiese:

"Vuole che le dia del tu?"

E sicuramente lei sotto la benda mi vide annuire perché mi diede il suo tu, e il treno, che era lei a guidare, ci cullava col tu tu... tu tu... tu tu...

"Ora, signore, la prego di non spaventarsi, e neanche di ridere, di non sorridere, la prego, perché so benissimo che lei, dell'uomo dei miei sogni, non ha che l'immagine. Non mi aspetto che il mio sogno si avveri in alcun modo, ma non permetterò che nessuno si prenda gioco delle mie fantasie, nemmeno lei che più le incarna. Se adesso le do questo foglio, mi giuri che non se ne prenderà gioco. Non so se veramente dovrei dividerlo... Ma basta, decido di lasciarglielo e addio, ora raccolgo la mia roba e cambio posto."

Posai la penna. Lo guardai. Sembrava molto assorto dal suo mattone. Riconsiderai il mio scritto, dubbiosa. La luce della sera inspiegabilmente non calava sulle righe. E all'improvviso:

"Ho voglia di fare l'amore con lei."

La sua fiamma

Anna Yashvili

La mattina presto d'estate, alle 5, Francesca (l'eroina della nostra storia) si svegliò al suono fastidioso della sveglia.

- Voglio dormire ancora un po' -, disse e si girò sull'altro fianco, ma dieci minuti dopo il telefono vibrava di nuovo.

Il tempo fuori era straordinariamente soleggiato, le Alpi erano illuminate dal sole, gli uccelli cantavano così forte e bene che l'umore di Francesca si sollevò immediatamente e aveva energia per il nuovo giorno.

Francesca è una ragazza molto allegra ed estroversa, con i capelli scuri e leggermente ricci e gli occhi della tonalità dell'acqua fredda.

Quella mattina non immaginava che la sua vita sarebbe cambiata così tanto dopo un incontro, per una persona, per una scintilla che è corsa tra loro.

Oggi Francesca va in campeggio con i suoi amici, in montagna. Quando tutti cominciano a radunarsi, Francesca gira la testa e vede un ragazzo che è venuto con uno dei suoi amici. Indossa un berretto nero, occhiali da sole, pantaloncini arancioni e una maglietta nera.

Una volta arrivati, i ragazzi hanno iniziato a salire sulla montagna e sono arrivati a un lago di incredibile bellezza. Loro hanno messo la musica e hanno montato le tende. Il ragazzo arrivato camminava accanto a Francesca come se volesse parlare...

- Ragazzi, andiamo a nuotare! - Esclamò Francesca.

- Una gara contro il tempo! -, gridò uno dei suoi amici.

Dopo una nuotata tonificante, i ragazzi accesero il fuoco e iniziarono a preparare la tradizionale raclette alpina. Ascoltarono musica, chiacchierarono, giocarono con giochi da tavolo, quando Francesca alzò lo sguardo e lo vide. Alla fine trovò il coraggio di parlarle.

- Ciao! -, disse.

- Ciao -, gli rispose Francesca.

- Io mi chiamo Rafael e tu? -, chiese lui e si sedette accanto a lei.

- Francesca, piacere di conoscerti -, rispose lei, e parlarono di tutto, quando all'improvviso lui sorrise di quel sorriso misterioso che è difficile da descrivere a parole, basta vederlo una volta, ma c'è un piccolo dettaglio: un sorriso così può attrarre così tanto che poi non lo si può dimenticare. Ed è quello che è successo a Francesca.

- Sai ballare? -, le chiese bruscamente quando arrivò la canzone dall'altoparlante.

- Sì, un po' -, rispose lei timidamente.

- Allora andiamo a ballare -, disse lui, tendendole la mano e iniziarono a ballare sotto il cielo stellato. In quel momento esistevano solo loro due.

Era mattina

Quando tornò a casa ricevette un SMS...

- *Ciao di nuovo, volevo dirti che hai degli occhi incredibilmente belli. Quando mi hai guardato, ero pronto a darti il mondo intero e a dissolvermi nel tuo sguardo. Ti piacerebbe se io e te ci mettessimo insieme questo fine settimana?* - fu lui il primo a suggerirlo.

- *Perché no?* -, rispose lei con sicurezza.

Una settimana dopo

Venerdì mattina Francesca riceve una notifica. Prende il telefono e non crede ai suoi occhi: *Ciao, ragazza con gli occhi più belli del mondo, vuoi ancora che ci incontriamo oggi?* -, scrive Rafael.

- *Ciao, ragazzo con il sorriso più bello che io abbia mai visto, sì, stasera sono libera* -, gli rispose lei.

- *Perfetto, allora vediamoci alle 22.*

Francesca era sorprendentemente calma, il suo cuore non batteva più forte del solito, le sue mani non tremavano. Arrivò esattamente all'ora stabilita, ma lui non c'era ancora. Dieci minuti dopo lo vide avvicinarsi al luogo dell'incontro.

- Ciao -, disse lui, baciandola sulla guancia e mettendole contemporaneamente un braccio intorno alla vita.

- Ciao, andiamo? -, disse lei timidamente.

Ballarono, risero, parlarono fino al mattino, quando improvvisamente cominciò a suonare la stessa canzone che avevano ballato allora, in montagna, sotto il cielo stellato. Rafael le mise delicatamente una mano sulla vita, la tirò vicino a sé e la guardò negli occhi e poi sulle labbra. In quel secondo, la ragazza si rese conto di quanto fosse attratta da lui e cedette al momento: Rafael la tirò ancora più vicino a sé e la baciò. In quell'istante il mondo si è fermato. Non c'era nessuno in giro. C'erano solo loro due, ma il tempo non era infinito e Francesca doveva tornare a casa.

- Grazie mille per questa serata, mi sono divertita molto -, disse lei sorridendo.

- Grazie -, disse lui, scostando con la mano una ciocca di capelli scuri - Dio, sei bellissima -, disse con un sussulto e la attrasse di nuovo a sé.

Si salutarono e Francesca salì a casa sua piena di energia. Si accasciò sul divano del soggiorno e non riuscì a smettere di sorridere. Proprio in quel momento pensò a quello che provava accanto a lui: la fiamma, il fuoco che le divampava dentro.

La mattina seguente

Lei ha aspettato fino a mezzogiorno e gli ha mandato un messaggio.

- *Ciao, come stai?* -, ha scritto e la risposta non si è fatta attendere.

- *Ciao, sono felice che tu mi abbia mandato un messaggio, sto bene ma sarebbe ancora meglio se tu trovassi del tempo per me. Usciamo per un gelato e una passeggiata in città?*

Si incontrarono in piazza, vicino alla fontana. Francesca era un po' in ritardo, ma lui la stava già aspettando al punto d'incontro.

Quando lei si avvicinò, lui non riuscì a nascondere l'entusiasmo nel vederla - Sei bellissima come sempre.

Si sedettero e parlarono di tutto.

Poi decisero di passeggiare sul lungofiume. Camminando sull'altra sponda del fiume, trovarono delle belle panchine su cui sdraiarsi insieme. Si sdraiarono abbracciati e rimasero in silenzio per un po', godendo l'uno dell'altra.

Francesca si sdraiò e poggiò la testa sul petto di Rafael e ascoltò il battito del suo cuore ... il suo respiro...

Poi lui la strinse dolcemente tra le braccia e le baciò i capelli.

Camminarono per la città tutta la notte...

Quello che era iniziato tra loro non poteva essere definito una favola. La tenerezza, la cura e la comprensione che lui le dava non possono essere descritte a parole.

Una sera Rafael le comunica che sarà in viaggio per un mese.

- Il 23 parto per un viaggio -, le disse.

- Wow, che bello! - rispose lei, abbracciandolo - Posso accompagnarti alla stazione ferroviaria quando parti? -, gli chiese.

- Non c'è bisogno tu venga alla stazione, perché parto alle 4 del mattino, è ancora buio in città e non voglio che torni da sola al buio -, disse lui, accarezzandole la testa.

- Ok, ma almeno stasera, prima di partire, posso venire a darti un bacio? -, chiese lei.

- Sì, certo! Sarei molto felice tu lo facessi! -, disse lui e la baciò.

La sera prima della partenza

Francesca va a trovarlo come promesso, ma l'inquietudine non l'abbandona. Salirono a casa di Rafael e lui continuò a preparare la valigia, cantando, allo stesso tempo, le sue canzoni preferite, mentre Francesca si sdraiò sul divano e lo osservò.

C'è qualcosa che non va – pensò – non è lo stesso di sempre, qualcosa è cambiato nel suo comportamento verso di me, nel suo sguardo. Francesca era così immersa nei suoi pensieri che si dimenticò di Rafael.

- Piccola, cosa ti succede? -, le chiese senza capire.

- Niente! - Si svegliò di colpo - stavo solo pensando -, disse, e si protese per abbracciarlo, ma lui non reagì - Cosa c'è? - Mi abbracceresti? -, disse lei a malincuore.

- Sì, certo, scusa -, si alzò bruscamente. L'abbracciò e la baciò sulla fronte, si voltò e continuò a preparare la valigia. Francesca non capiva cosa stesse succedendo.

- Mi dispiace -, disse lui -, ma ho altre cose a cui pensare in questo momento.

- Va bene, allora ti lascio finire, vado a casa -, disse lei arrabbiata - Fai buon viaggio -, gli augurò e si avvicinò per baciarlo -, lui rispose al suo bacio, ma molto freddamente.

- Non vuoi baciarmi come si deve? -, disse lei seriamente. Notò che lui non sapeva cosa rispondere.

Lui la tirò bruscamente a sé e la baciò appassionatamente, ma nel profondo Francesca sentiva che qualcosa non andava.

Il giorno dopo Rafael volò via. Per i primi due giorni le scrisse che gli mancava, ma poi sparì.

Passarono i minuti, le ore, i giorni e Francesca cominciò gradualmente a dimenticare Rafael. Era delusa, triste e solitaria, ma non aveva altra scelta, non era una che mendicava amore e attenzioni.

Continuò la sua vita, godendosi ogni momento con i suoi amici e con se stessa.

Come al solito, quando lei lo ebbe quasi dimenticato del tutto, lui cominciò a scriverle, ma lei non rispondeva quasi mai perché temeva che, se avesse ricominciato a comunicare con lui, i suoi sentimenti si sarebbero riaccesi.

Era la vigilia di Halloween, il giorno di Ognissanti, una festa che la città universitaria era obbligata a celebrare.

Francesca e le sue amiche non facevano eccezione, andavano tutte insieme a festeggiare. La ragazza, assorta nella musica e nei balli, non si accorse di nessuno intorno a lei quando, all'improvviso, sentì un odore e una voce dolorosamente conosciuta. Irruppe tra la folla e lo vede.

Rafael stava in piedi vicino al bar e stava parlando con due ragazze.

- Ciao -, le disse in modo brusco e sorprendente, tirandola alla vita e baciandola sulle guance.

- Ciao -, disse lei sorpresa e uscì a prendere un po' d'aria. Era sopraffatta dall'emozione e voleva urlare, ma si ricompose e tornò alla festa.

Lui stava ballando con delle ragazze poco distanti da lei e dai suoi amici, quando all'improvviso iniziò una canzone... la loro canzone. Francesca si girò e lo vide ballare con una delle ragazze, avvicinarsi sempre di più a lei e baciarla.

Francesca fu colta di sorpresa. Si allontanò bruscamente e corse in bagno a piangere. Le amiche la rincorsero e cominciarono a tranquillizzarla e a suggerirle di andarsene, ma la ragazza smise bruscamente di piangere, si alzò dalla sedia che stava nell'antibagno e disse minacciosa - Non mi priverò del piacere di ballare per colpa sua. Non potrà più farmi del male. Mi ha spezzato il cuore una volta, non potrà farlo una seconda volta.

- O mi fai diventare una priorità o mi lasci in pace, non sono una con cui si può giocare. - Queste parole erano rivolte a Rafael, ma pronunciate lontano da lui.

Da quel momento la vita di Francesca iniziò a cambiare radicalmente.

Si immerge completamente non solo nello studio, ma anche nel lavoro su se stessa, perché è convinta che se succede qualcosa tra due persone, non c'è nessuno da incolpare. L'importante è imparare le lezioni necessarie per non commettere gli stessi errori in futuro.

Poi un giorno si è ripresa e ha capito che doveva lasciarlo andare. E si è sentita sollevata nel farlo.

Non provava più tristezza e nostalgia, conservava nella memoria solo i ricordi più caldi, perché il loro rapporto le aveva insegnato molto.

Non era più la stessa Francesca dell'inizio della nostra storia. La nuova Francesca non si lascerà mai più spezzare.

Coscienza

Lucile Muller

Piccola, piccolissima fra gli altri. Sola, solissima dentro di me. Ero nata così, ero nata per cambiare o ero nata per fare crescere gli altri? Ma la domanda che mi facevo sempre era soprattutto: perché ero nata?

Quando ero piccola vivevo. Non sapevo perché, ma, vivevo, e tranne questo, quello che ritengo principalmente è che erano gli altri che vivevano. Io ero solo una parte della loro vita. Robot degli altri, burattino come amica, a disposizione di tutti.

-Cazzo, non so dove ho messo la mia giacca, Carlo...

Dietro, nascosta: -Scusami...

-Nemmeno io, Pietro.

-Scusami, non è la tua? Era per terra.

-Ah, sì grazie...

Poi nulla, o ancora:

-Ciao Pietro, tieni, sono biscotti che ho fatto, erano per i professori, ne ho fatti troppi...

-Ah, grazie, non era necessario.

Certo che questi biscotti li avevo ben tenuti per lui, e maldestra che sono li ho schiacciati nella borsa. Ero una persona troppo prevedibile, e che prevedeva tutto in anticipo.

Vestiti sulla sedia la sera, con felicitazioni ad ogni semestre, migliore amica quando in realtà lei ne aveva cinque: prevedibile.

Ma queste sono cose che si dissimulavano dietro la buona atmosfera di famiglia: spesso in vacanza, grande casa, suonando il piano e facendo teatro, babbo geniale, e comunque qualche amica con cui giocavo nella fontana nel paesino. Tutti sembravano meglio di me, ma io non mi chiedevo mai chi avrei voluto essere.

Quando gli adulti mi davano un consiglio era spesso lo stesso: "Abbi fiducia in te stessa".

Ed io mi chiedevo dentro di me: “Ma che cosa significa? Non mi aiutate”.

Poi una volta mi sono chiesta come dovessi comportarmi e ho cominciato a mettermi al posto di personaggi che conoscevo di più, i personaggi di manga. “Cosa avrebbe fatto Candy in questo momento?” E figurati che funzionava. Quindi, era più facile per me mettermi nei panni degli altri, invece di controllare direttamente il mio corpo.

Cambiata la scuola, con nuove amiche, avevo l'impressione di essere un po' sottomessa, questa volta cosciente della mia sfortuna. Ed è in quel momento che ho cominciato a vedere bene la mia differenza con gli altri. Le mie amiche stavano sempre a dirmi: “Dobbiamo togliere la tua purezza”, “Sei la più innocente che conosco”, oppure parlavano semplicemente di cose che non capivo, parevo sempre debole e incolta. Non stavo bene ma pensavo che fosse normale. Certo che tutto è più facile, fare niente piangendosi addosso, ma comunque come fare per uscire da questo se non sai nemmeno se è possibile.

Ho detto una volta alla mia amica: “In effetti, io non ho personalità. A te piace disegnare, a lei piacciono i cavalli, a lui piace la moda, e a lui il kayak ma io... non ho particolarità”.

Mi ha risposto: “Ma sì, tu sei intelligente”.

Non ero convinta di questo. Una particolarità? Ero solo conosciuta per avere migliori voti rispetto ai miei amici ma per me, alla fine, lavoravo spesso per avere brutti risultati di cui non ero soddisfatta. Avrei dovuto esserne fiera e credere in me stessa. Comunque essere ricordata per questo, trovo che sia una brutta cosa.

Poi esaminandomi sempre più spesso, provavo a qualificarmi e trovare il mio funzionamento. Prima scoperta: ero perfezionista. Volevo che tutto fosse perfetto e innanzitutto non perdere tempo.

In seguito ho cominciato a cambiare modello. Particolarmente all'inizio dell'anno della maturità ho notato il comportamento eccezionale della mia amica Bianca. Stava sempre chiedendo agli altri se fossero d'accordo con lei, se stessero bene; sempre facendo passare gli altri prima di lei. È anche in quel momento che mi sono accorta del mio bruttissimo difetto: l'egocentrismo.

E a partire da questo momento agivo come Bianca, provavo a pensare agli altri più che a me, a guardarmi meno allo specchio, però questa persona non ero Io. Quando non mi concentravo e non facevo un passo indietro era sempre l'egocentrismo che prendeva il sopravvento.

Un giorno finalmente ho avuto una rivelazione. Ho capito che anch'io potevo essere come Bianca se lo volevo. Le frasi che avevo sentito prima cominciavano a prendere senso:

SE VOGLIAMO POSSIAMO

A partire da questo momento ho cercato di sapere che cosa volevo, chi volevo essere. È esattamente qua che mi sono resa conto che avevo solo una vita. Prima avevo già sentito che “abbiamo due vite, la seconda comincia quando ci accorgiamo che ne abbiamo solo una”. Questa citazione di Confucio ha preso un grande senso nella mia vita e mi ha anche fatto capire che basta spiegare le cose mille volte perché devono essere vissute per essere capite. Poi ho cominciato a fondare le mie decisioni e le mie azioni principalmente su delle citazioni.

Capito che avevo bisogno di organizzazione, ho cominciato a creare un quadernetto che mi permetteva di organizzare la mia intera vita, mi sono promessa di tenerlo fino alla fine.

Il mio scopo nella vita: approfittare della vita, fare tutto quello che voglio, non pormi limiti.

Il mio motto: CARPE DIEM

Ho creato diverse rubriche che mi identificavano, tipo: le mie musiche preferite, il mio cibo preferito, i miei principi di vita o ancora i miei obiettivi. Grazie a questo quadernetto ero in qualche modo rassicurata. Nel corso dei giorni ho notato una particolarità: mi piaceva essere originale e odiavo essere come gli altri. Quello spiegava molte cose.

Avevo acquisito l'abitudine di fare molte e molte riflessioni su di me analizzando le mie reazioni e iniziavo a conoscermi bene. Un'abitudine si è creata in me, parlavo a me stessa normalmente a voce alta e qualche volta senza accorgermene. Questa particolarità faceva esteriorizzare tutta l'energia che avevo in me. Parecchie volte mi sono anche chiesta se fossi bipolare, comunque adesso trovo quest'usanza completamente normale ed anche perfetta nell'ambito della mia personalità originale.

Del fatto che possiamo scegliere la vita, ho anche provato a cambiare il mio comportamento sugli altri per sembrare più desiderabile. Per esempio ho cominciato a fare apposta a non

rispondere direttamente ai messaggi o chiedevo più sugli altri che parlavano di me. Comunque, non essendo nella mia natura non ho potuto tenere per una lunga durata.

Per fortuna quest'evoluzione di me stessa mi ha preso quasi sei mesi per essere un minimo completa, il tempo esatto per arrivare finalmente alla mia vita di studentessa, un'occasione perfetta per cominciare questa nuova vita.

Decisa a iscrivermi a un programma chiamato "Residence de la Réussite", ho creato una nuova immagine, o un nuovo Io che non aveva paura di prendere la parola, di andare verso gli altri. Mi sono rapidamente fatta amici simpaticissimi e ho incontrato molta gente. Non pensavo che mi sarebbe successo una volta nella mia vita di avere talmente tanti amici che non potessi vedere tutti senza organizzarmi. Fra questi incontri ne ho fatti due essenziali che mi hanno molto arricchito. Avevo adesso coscienza della mia avventura e mi dicevo dentro di me: "Ma gli altri, se fossero già come sono adesso, quando diavolo hanno avuto la loro grande tappa di evoluzione?" Forse non la hanno avuta. Sarebbe un privilegio? È comunque una domanda che mi torna spesso in testa.

Ne ho cominciato a parlare con gli altri e ho incontrato una ragazza così carina quanto fiduciosa in se stessa. Nell'era una ragazza che sembrava tanto gentile con gli altri quanto gentile con se stessa. Sembrava anche a una persona costruita da emozioni forti, malattia e tradimento, ma ciò che posso giurare è che credeva in se stessa ed è una delle persone che so che riuscirà. Infatti, lei usava molto il sistema di visualizzazione delle cose, consisteva a immaginarle già compiute nell'atto di realizzarle e questo funzionava benissimo, era sempre positiva ed ottimista. Una vera dimostrazione umana del detto che "basta crederci per riuscire".

Vicino a Nell, ho incontrato un ragazzo totalmente diverso da lei. Abbiamo cominciato a parlarci grazie al fatto che imparavamo il giapponese tutti e due. Era molto timido e aveva molte difficoltà ad esprimersi. Osservandolo vedevo solo una cosa: io nel passato. A poco a poco ci siamo avvicinati a un'altra persona, quasi unico fattore che ci ha permesso di stare più spesso insieme. Finalmente è arrivato il giorno il cui mi ha detto: "Mi dispiace se non ce la faccio a parlare quando sono con te". Con queste parole, ero obbligata ad abordare il soggetto. Lo capivo totalmente. Infatti tutte le sue azioni le capivo, un giorno sono stata nella sua situazione. Mi ha parlato un po' di come si sentiva debole e che se ne rendeva conto

sempre più spesso. Dopo la conversazione che riguardava comunque molto più me di lui, mi ha chiesto: “Ma quanto tempo ci vuole per cambiare? non ne posso più.” Di fronte a queste parole ero tanto compassionevole quanto decisa ad aiutarlo. A partire da questo giorno gli davo consigli del tipo: “Devi pensare che in quello che farai riuscirai”, o “Se fossi in un film chi vorresti essere? La tua vita è il tuo film”. Comunque come è stato il caso per me, per le citazioni che non capivo da piccola, non dubito che sia successo la stessa cosa per lui. Però non ho mai abbandonato.

È arrivato il periodo nel quale non sopportavo il suo comportamento, tipo rispondermi subito al telefono e non proporre mai le cose da parte sua ma accettare tutto ciò che gli proponevo: non potevo più vedere il mio Io di prima attraverso lui. Dopo avermi affascinata, ora mi ripugnava. Comunque mi sentivo male per lui.

Il periodo mi è passato e ho visto cambiamenti, si faceva un po' più desideroso e pareva prendere più gioia nella vita. Il suo lato che mi piaceva di più era l'adattamento agli altri e il non parere un ostacolo alla gente. Avendo lo stesso ragionamento, andavamo piuttosto d'accordo. Uno dei miei scopi nella vita era essere utile alla gente ed avevo molta voglia di essergli benefica. Avevo adesso il ruolo di insegnante per lui.

I mesi sono passati e siamo evoluti insieme, non è più per niente la stessa persona, è molto più a proprio agio nella sua vita e sicuro di sé. Se le esperienze fanno crescere gli incontri ne fanno parte. Ci sono ancora persone che mi ispirano ogni tanto ma ora mi riferisco a me, a quello che SONO IO. Mi raccomando, non dimenticare di sentire i tuoi bisogni e comunicarli ad altri, è la chiave per vivere in società. Spero che la mia storia ti abbia aiutato a trovarti.

Russe

Composition du jury

Simon Albertino, doctorant contractuel en littérature russe

Isabelle Després, professeur en études russes

Daria Terebikhina-Noël, doctorante contractuelle en littérature russe

Laure Thibonnier, maître de conférences en études russes

Coordinatrice pour l'édition 2023 du Concours de Nouvelles :

Laure Thibonnier

Майка

Marie Hidien

Анна была девушкой своего времени. О ней можно было сказать, что она умна, харизматична и красива. Она развивала эти качества, которые были для неё тремя вещами, сделавшими её такой особенной и, кроме того, позволившими ей преуспеть в работе. С появлением интернета и социальных сетей родились новые профессии. Профессии, которые сложно объяснить поколению, не выросшему в эпоху новых технологий. Её работа относится к этой категории. Именно по этой причине её родители были удивлены, когда Анна объявила им, что бросит учёбу на юридическом факультете, чтобы сосредоточиться на своей карьере “Инфлюэнсер”.

– Инфлюэнсер ??

Сначала они разозлились, кричали, что не может быть и речи, чтобы она бросила учёбу ! Когда она сказала им, что у неё достаточно денег, чтобы купить машину, их осуждение превратилось в удивление. Они были ошарашены. В конце концов, кто они такие, чтобы противостоять планам дочери ? Затем она бросила учёбу в конце второго курса, чтобы начать полноценную карьеру в этой очень особенной среде. Вот уже почти три года она много делала, чтобы заявить о себе, выделиться среди других инфлюэнсеров, участвуя при этом во всех актуальных трендах. Поэтому большую часть дня она проводила за отправкой мейлов, тестированием продуктов, а затем за съёмкой и редактированием видео.

Однажды в своей парижской квартире она снимала очередное видео, где примеряла одежду, купленную на крупном китайском сайте Shein. Для неё это было обыденным занятием. Анне нравилось снимать эти видео так же, как её зрителям нравилось их смотреть. Ей нравилось находиться в объективе камеры, примерять одежду и представлять её. Она делала это уже давно. Каждый месяц. Почти механически. Правда в том, что она любила одежду больше всего на свете, по крайней мере, она так говорила.

В тот день, во вторник, она только что закончила одно из этих видео и опубликовала его на ТикТок. На сайте она заказала одежду всех стилей примерно на

700 евро. Это была определенная инвестиция, но каждое из этих видео увеличивало количество подписчиков. Той ночью Анна спокойно уснула, довольная хорошо выполненной работой. Её уютная кровать окутала её мягкостью. Она закрыла глаза и без труда заснула.

Когда она снова открыла их, горел свет. Для неё было необычным забыть выключить свет. Потолок казался ей так близко, что она могла коснуться его кончиками пальцев. Она села на кровати, но быстро поняла, что это была не кровать. На самом деле она сидела на полу на груде тканей. Около сорока женщин вошли в небольшую комнату без окон и прошли между рядами коек. Она огляделась и увидела, что проснулась не только она. Итак, десятки женщин уже встали со своих коек одновременно. Все эти женщины, как на военном марше, вышли к выходу. Женщина лет пятидесяти, выглядевшая усталой, стояла перед койкой Анны. Она была маленькая и худенькая и смотрела на неё исподлобья.

– Ну, твоя очередь работать, оставь мне кровать.

Анна встала, растерянная. Какая боль в спине! И, наблюдая за тем, как женщины устраиваются, она вышла из комнаты. Одна из женщин вздохнула, встала, выключила свет и захлопнула за собой дверь. Но этого Анна не заметила. Она была совершенно потеряна, и ей потребовалось время, чтобы понять, где она находится. Анна только вошла в главную комнату, по крайней мере, так она решила, когда увидела размер комнаты. В первую очередь её беспокоил шум. Он отдавался эхом в этом сарае из бетона и отражался от этих стен, чтобы закончить свое путешествие в ушах Анны. Как люди могли спокойно спать в соседней комнате с таким шумом? Всё ещё погружённая в свои мысли, она наблюдала за сценой издали, как будто смотрела фильм. Источник, нет, источники шума находились немного дальше в комнате. Он исходил от женщин. Те, кто ещё несколько секунд назад спали, устраивались, а около сорока других уже усердно работали. Все они собрались за отдельными столами. Анна нахмурилась, надеясь лучше разглядеть, что они делают.

Всё её внимание было сосредоточено на этих женщинах, и она не увидела ту, которая подошла к ней, крича. Анна уже несколько минут неподвижно стояла перед входом в маленькую комнату. Когда женщина подошла к ней, девушка поняла, что эти крики были обращены к ней.

– Что ты здесь делаешь? Иди работай!

– Но я...

– Нет никаких “но”, у нас есть нормы, которые нужно выполнить. Так что иди садись и шей!

Наверное, это сон. Я подчинюсь и скоро проснусь. Итак, Анна подошла к работающим женщинам. Занятые работой, казалось, они её не видели. Она села. Женщина за столом справа от неё украдкой повернулась, чтобы взглянуть на неё. Перед швейной машинкой, стоявшей на её столе, как и на всех других столах, Анна не знала, что делать. Но чтобы “её сон” подошел к концу, она знала, что должна укротить эту железную машину и выполнить работу, о которой её просили. Здесь иголка, там катушка с нитками. А здесь ? Ещё одна катушка, на этот раз очень маленькая. Она оглянулась на женщину справа от неё, которая прочищала горло. Она указала пальцем на её ноги. Она заглянула под стол и увидела педаль. Она нажала на неё, и иголка начала бешено биться в воздухе.

Женщина, которая только что накричала на неё, подошла к ней с коробкой. Под её глазами красовались два больших серых полукруга, тёмные круги, которые покрывали её скулы и, казалось, стекали по лицу. Её волосы также были особенными. Их зеленоватый цвет и внешность намекали на несостоятельность причёски женщины. Она бросила коробку к ногам Анны.

– В этот раз не забудь пришить этикетку.

Она посмотрела на коробку и увидела десятки и десятки этикеток с одним и тем же именем : Shein. Она повернулась к женщине справа. Она была стройной, её чёрные

волосы были заплетены в растрёпанную косу, из которой торчали пряди. Несмотря на изуродованное лицо, казалось, что ей тридцать лет.

– Где мы?

Соседка снова посмотрела на неё, но ещё более удивлённая, чем прежде.

– Как ты думаешь, где мы?

– Наверное, на фабрике.

– Правильно.

– Но где ?

– Посмотри на этикетки.

Эта этикетка, которую она привыкла видеть на всей своей одежде, в тот момент заставила её содрогнуться. “Made in China”. Анна резко встала, как будто в ужасе от этой новости. Зеленоволосая женщина, надзирательница, сидела на стуле в нескольких метрах от них. Она встала, выглядя раздражённой. Тогда Анна сказала ей:

– Я просто иду в ванную, на минутку.

Тут маленькая женщина подошла к ней и сказала обманчиво спокойным голосом, выдавая свое раздражение:

– Нет. Ты только что вернулась на работу, ты пойдёшь в ванную, когда я скажу тебе пойти в ванную. Садись и не двигайся с поста, пока не сошьёшь хотя бы двадцать маек.

Анна вернулась на свое место, и зеленоволосая женщина ушла. Она начала работать. Часто наблюдая, как её тётя шьёт, когда она была моложе, она знала, как это делать. Она взяла два куска эластичной ткани, которые наложила друг на друга, затем опустила лапку иголки и слегка нажала на педаль.

Ей потребовалось несколько попыток, чтобы привыкнуть к машинке и начать шить. Анна находилась долгие часы в этой комнате. Она чувствовала себя одинокой среди всех этих женщин. Большинство из них работали молча, одни напевали вполголоса, а другие, дальше, болтали между собой. Время шло, а у Анны была только половина двадцати маек, которые её заставили сшить. Девушка уже была измотана. Во рту у неё было сухо, в глазах тоже колело от сухости, даже монотонные движения становились всё медленнее и медленнее. Как только она останавливалась, чтобы подумать или отдохнуть, зеленоволосая женщина наблюдала за ней, смотрела на неё и давала понять, что надо работать ещё быстрее. Ей определённо не нравился этот сон.

Когда она, наконец, закончила шить двадцать маек, её надзирательница разрешила ей пойти в ванную. Она сопровождала её чуть дальше до закрытой двери. Она отперла дверь и впустила Анну в маленькую тёмную комнату. Измученная и испытывающая жажду девушка выпила воды перед тем, как упасть на унитаз. Она закрыла лицо руками, но не могла плакать. Через некоторое время надзирательница вернулась и постучала в дверь.

– Ты там не менее десяти минут. Выходи оттуда!

Анна вышла, затем машинально подошла к своему столику. Зеленоволосая женщина заперла дверь.

Будильник зазвенел, но Анна не проснулась. Около сорока женщин встали, чтобы направиться в маленькую комнату. Отсюда вышла группа, сменившая её команду шесть часов назад. Ей бы хотелось проскользнуть в группу выходящих, лечь на эти несколько тканей и наконец закрыть глаза, чтобы перенестись в более красочный мир, свой мир. Но всё вокруг неё было унылым от мерцающих неоновых огней над её головой до бетонных стен, которые держали её здесь. В комнате выделялись только красные майки. Эта красная майка была у неё дома в гардеробе. Она купила её, не найдя в ней ничего интересного, и купила её только для того, чтобы вставить её в свое видео. Она не собиралась её носить. И несмотря на это, несмотря на причины её покупки, женщины,

эти женщины, работали и страдали, чтобы сшить ей эту майку, ту, которая уже была брошена в углу её гардероба.

Анна была опустошена. Прошло несколько часов с тех пор, как прозвенел будильник. Или несколько десятков минут, во всяком случае, она бы не смогла отличить. Зеленоволосую женщину сменила пухленькая женщина, которая так же строго наблюдала за рабочими. Она воспользовалась сменой новой надзирательницы, чтобы снова попросить перерыв. На этот раз у неё было больше времени, потому что надзирательница не пришла стучать в дверь. Она оставила дверь открытой после того, как Анна ушла. Атмосфера казалась более умиротворённой, женщины говорили громче и даже смеялись.

Она была почти удивлена, услышав снова будильник. На этот раз это означало, что Анна была свободна. Она встала одновременно с другими рабочими и вышла за ними на улицу. Тихо. Солнце было в зените. Швей все собирались домой, говоря друг с другом. Усталая, Анна плелась позади. Наверное, поэтому никто не заметил её падения. Её зрение затуманилось, а колени подогнулись под её тяжестью. И когда земля приблизилась к её лицу, она закрыла глаза. Вновь открыла их. Было темно как ночью. Она повернула голову вправо и увидела светящиеся цифры. Её будильник показывал 3:12.

В ту ночь она не могла снова заснуть. Она осталась в кровати и думала об этом сне. Затем она задумалась о карьере, о последних трёх годах своей жизни, которые она посвятила ей. Снова о сне. Когда будильник прозвенел в 8 часов, она уже приняла решение.

Анне было немного сложно вернуться к учёбе, но ей всё же удалось. Она сделала перерыв в своей работе в качестве инфлюэнсера, которую в конце концов возобновила. Несмотря ни на что, ей нравилось делиться и обмениваться с людьми из всех стран. Но теперь она больше не говорила об одежде, по крайней мере, не в том же аспекте. Она возобновила свой старый аккаунт, удалила старые видео и теперь информировала людей, которые следили за ней, о правах человека, точнее о их несоблюдении. Тема своего первого видео была для неё очевидна - рабство на фабриках фаст-фэшн.

Дыхание Норвегии

Thibault Cardinal

Тёмное солнце медленно всходило над крышами Венеции. Шёл лёгкий дождь, и листья на деревьях покраснели – стояла осень. Каждое утро я видел пешеходов, которые гуляли, ели, пили кофе или играли с детьми. А я гулял по венецианским улицам, прежде чем выпить, как и они, чашку кофе в одном из баров-кафе центра города. Но сегодня, я никого не вижу в городе. Только машину Луки, которая была припаркована перед художественной галерей. Он вышел из своей машины и одним простым взглядом пригласил меня на скамейку.

– Consigliere¹, садитесь здесь пожалуйста. – сказал он тихо.

– Ну, смотри, скамейка мокрая, я не хочу садиться здесь. – сказал я с отвращением.

– Но Consigliere, нам нужно поговорить о... Вы знаете? – отчаянно потирая руки, он дул на свои, чтобы согреть немножко.

– Не здесь, Лука, нас могут услышать. Давай зайдём в то кафе, я знаю его владельца.

Мы с Лукой вошли в кафе, и владелец мне махнул рукой, приглашая нас сесть за стойку недалеко от окна. Принесли нам две чашки кофе, поданные с печеньем, и мы собрались начать наш разговор. Один старик попросил несколько раз, чтобы ему подали стакан лимончелло, к десяти часам утра он уже был пьян. Тогда мы поднялись на второй этаж кафе, откуда нас никто не мог услышать.

Усаживаясь на один из диванов, Лука спросил меня, знаю ли я о смерти главы нашей организации (да, я принадлежу к итальянской мафии). С сожалением я ответил ему отрицательно. Он посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на окно, сказав мне:

– Они думают, что это ты, – сказал он мне со странным спокойствием.

– Серьёзно? Они перегнули палку, – захохотал я во всё горло. – Хотя я способен на всё то, что мне сказал... Ну, я бы убил главу? Правда?

– Не... не, – он не мог сказать то, что хотел. Луке было страшно.

¹ Итальянский - советник

– Почему ты колеблешься? Ты действительно думаешь, что я убил бы его! Я бы никогда этого не сделал! – крикнул я.

Лука ничего не говорил. Сидя на диване, он не делал ничего. Ещё раз он перевёл взгляд на окно. У меня складывается впечатление, что он ждал чего-то, но не было понятно чего. Тогда я решил не оставаться здесь и предпочёл пробраться к выходу, но я услышал шаги, доносящиеся снаружи, и Лука снова сказал мне:

– Они идут... Иди к чёрту Кейжо! – сказал он тихо.

Вдруг услышали, что несколько человек вошли в кафе и что, они меня нашли. Я взял бутылку перед собой, чтобы нокаутировать Луку и вошёл в другую комнату. Забаррикадировав дверь, я смог добраться до кухни кафе и выйти через заднюю дверь. Затем я добежал до такси, направлявшегося в аэропорт Триеста. Мне нужно было уходить, у меня было слишком много проблем с этой мафией. Меня обвиняют в убийстве, в то время как я никогда не видел шефа лично, и что дальше?

Прошло несколько дней с моего прилета в Норвегию, и я ни с кем не виделся. То есть я никого не знаю в этой деревне, которая называется Виком. Я нашёл убежище на одной из вилл в деревне, которая была открытой в парке, полном елей и дубов. Меня тревожила мысль о том, что я столкнусь лицом к лицу с одним из моих бывших "коллег", если их можно так назвать. Но они были далеко, и у меня не было причин для беспокойства.

Слушая музыку, я спокойно гулял по парку. Было слышно только, как ветер ласкает листья берёз, и несколько сосновых шишек падают на свежую траву. Чуть дальше стояла скамейка, она была белой, и на ней была надпись: «Солнце белое, а не жёлтое». Странная фраза. Может быть, я неправильно прочитал, или возможно, я не понял смысла этой фразы. Одним словом, мне скучно на этой скамейке. Никто не проходил мимо, было едва слышно щебетание птиц, полнейшая скука. Я закрыл глаза и заснул. Через полчаса я почувствовал, что кто-то сел на скамейку. Я открыл глаза и увидел старика. Он повернул ко мне голову и поздоровался.

- Погода сегодня великолепная! - сказал он, улыбаясь.

- Да, правда...

– Скажите, вы не здешний, это слышно по вашему акценту.

– О да, вы правы, вы правы. Я из Ита... Ну, в общем, я из Испании, да, из Барселоны, – сказал я с немного растерянным видом.

– Вы говорите об Испании! Это невероятно! Я всегда мечтал поехать туда! – с любопытством сказал он.

– О... Вы знаете... Это не так уж и удивительно ...

– Правда? Вы говорите что угодно!

Затем мы начали смеяться вместе. Я не мог рисковать и рассказать о своём приезде из Италии. Возможно, он в сговоре с другими, я не могу так рисковать. Мы разговаривали до наступления темноты, а затем назначили встречу на следующий день в том же месте. Таким образом я смогу узнать, связан ли он с мафией или нет.

На следующий день пошёл сильный дождь, но старик был на месте. На нём была непромокаемая куртка, а над головой он держал зонтик. Я подошёл к нему, протянул руку и пригласил его зайти в мой дом. Он встал и взял свою трость, которая лежала на земле. Я не мог не помочь ему, поэтому избавил его от зонтика, который я тогда держал. Как только мы дошли до дома, началась гроза. Было слышно, как вспышки молний рассекают ветер. Как ни странно, старик остался у окна гостиной, наблюдая за падающим дождём. Он помахал мне рукой, приглашая подойти. Он спросил, как меня зовут, а потом сказал, что моё имя не распространённое. И я ответил ему, что именно мой отец дал мне это имя. Мои родители на самом деле не были вовлечены в моё воспитание. Моя мать была главой Организации по торговле слоновой костью и наркотиками, а мой отец сбежал, чтобы избежать неприятностей. Затем однажды итальянская мафия была вовлечена в эту торговлю и убила мою мать с целью мошенничества. Чтобы избежать неприятностей, мой отец бросил меня, не поладив со мной за границей. Один из членов мафии пощадил меня, а затем они вырастили меня. Старик посмотрел на меня, а затем улыбнулся, сказав мне, что иногда бывает, что его путь просто не совсем спокойный и часто бывает очень извилистым. Лежа на диване, я рассказываю ему о самых ужасных действиях, которые я мог совершить, когда ещё был в мафии, и что я всегда буду помнить тот раз, когда мне было приказано убить целую семью на Сицилии. Я до сих пор вижу слёзы детей, которые спрятались в одном из шкафов в их спальне. Увидев, что я дрожу и слегка плачу, старик сказал мне:

– Вы знаете, мы не можем изменить прошлое, но тот факт, что вы чувствуете вину и ищете прощения, как бы это сказать... Да, является признаком того, что в глубине души вы хороший человек. И потом у меня тоже не все в порядке. Как и ваш отец, я бросил своего сына ровно двадцать четыре года назад. Я оставил его матери. Но мне пришлось вернуться в свою страну, чтобы вылечить мою маму, которая так и не выздоровела и вскоре умерла. Видите ли, иногда жизнь вам не помогает. Иногда она даже бывает жестокой. Но запомните одну вещь, старина: ещё не поздно стать хорошим человеком.

Я не знал, что ответить, был он прав или не прав? Кто знает? Несмотря на то, что он стар, он явно так же жалел о сделанном, как и я. Это правда, что он должен нести тяжёлое бремя – и на нем тоже лежит большая вина. Дождь всё ещё лил, но гроза прекратилась. Наступила ночь, и было уже поздно. Итак, я предложил комнату своему... другу? Да, я думаю, что могу называть его так. Мы отправились спать.

Посреди ночи кто-то постучал в дверь, а затем выбил её. Я взял револьвер, который был у меня в тумбочке, и встал. Я услышал грохот, который производил этот человек на другом конце виллы. Но раздался пронзительный крик — это был крик старика. Я выхожу из своей комнаты и иду туда, откуда доносился крик. Он лежал на земле, закинув руки за голову. Это Лука! Он был вооружён и направил пистолет в мою сторону.

– Брось своё оружие! – крикнул громко он.

– Пощади этого старика, и я брошу свое оружие.

– Я тот, кто отдаёт здесь приказы, КХ! Ты бросишь это оружие, чёрт возьми? Иначе я пристрелю его! – крикнул он, старик заплакал.

– Лука, пожалуйста, – я кладу оружие на пол.

– Тихо! На пол!

У меня не было выбора, как подчиниться ему. Внезапно старик оборачивается, и сбивает Луку с ног. Старик воспользовался этим, чтобы попытаться сбежать. Но Лука выхватил пистолет и выстрелил в него. Старик всем своим весом упал на землю. Лука, он подошёл ко мне, взял меня за воротник и сказал:

- Тогда, гнида, каково это видеть своего отца мёртвым?

Он отпустил меня и тут же ушёл. Я бегу к старику, чтобы узнать, жив ли он ещё. Он дышит, но потерял много крови. Нужно вызвать скорую помощь.

Через несколько дней старик покинул нас. Он ушёл, чтобы присоединиться к бесконечному морю звёзд, даже не попрощавшись со мной. Он оставил в комнате, которую я ему одолжил, записную книжку. В нём всё было написано по-корейски. Зная язык, я занялся чтением. Затем, перелистывая страницы, я узнал фотографию своей матери, его и меня с несколькими словами – 내 가족이다².

² Корейский – Это моя семья

Ветер перемен

Léa Génieis

Всегда ли зима была такой холодной и мрачной? Габриель не помнит. На самом деле, она не может вспомнить, когда в последний раз видела солнце, пробивающееся сквозь облака. Единственное, что выделяется в этот пасмурный день, – это река глубокого синего цвета, протекающая в нескольких метрах под ее ногами. Габриель подходит ближе к краю. Она продолжает дышать, несмотря на обжигающий мороз. Как долго она там находится? Габриель не знает. Но в одном она уверена точно – она здесь не случайно. Она слышит, как в лесу вдалеке поднимается ветер, как улетают птицы. Когда она начинает наблюдать за ними, её глаза наполняются слезами, она мечтает оказаться на их месте и покинуть этот мир. Она продвигается ещё немного вперед, теперь она уже недалеко от обрыва, но она не боится. Её босые ноги, покрасневшие от зимнего холода, движутся вперед сами по себе. У неё давит в груди, ей тяжело дышать. Она закрывает глаза в надежде, что всё скоро закончится.

– Остановись!

Габриель мгновенно открывает глаза, но, обернувшись на звук голоса позади неё, она поскользывается, едва не падая в пустоту. В этот момент кто-то хватается её за левую руку и притягивает к себе. Она впервые чувствует тепло с тех пор, как оказалась на улице. Глаза, наполненные слезами, не позволяют ей узнать человека, который только что спас её, но его голос не ускользает от неё. Она позволяет себе погрузиться в тепло его утешительных объятий и опускает голову ему на плечо.

– Мне очень жаль.

Это единственные слова, которые она может произнести. Она чувствует себя слабой, несчастной. Она не может говорить, её переполняют эмоции. Единственное, что она может сделать, – это излить всё горе, накопившееся в её разбитом сердце.

– Всё в порядке, – с облегчением сказал он. – Главное, что ты не упала!

Голос молодого человека, который прижимает её к себе чуть ближе, эхом отдается внутри неё.

– Как ты меня нашёл? – ей удастся говорить, сквозь слёзы.

– Это не важно. Всё позади. После всего, что ты пережила, тебе нужен отдых, – сказал молодой человек успокаивающим тоном.

– Спасибо, – сказала Габриель, опустив глаза.

Молодой человек на мгновение выпускает её из своих объятий, чтобы укрыть курткой от зимнего холода, а затем берет её на руки и несёт к машине подальше от реки и всех опасностей.

Габриель с трудом открывает глаза, а затем садится, растерянная, не понимая, где находится. Она даже не помнит, как сюда попала. В её голове всё как в тумане. Она знает только, что здесь теплее и что она чувствует себя в безопасности.

– А ты наконец-то проснулась.

Она оборачивается на звук голоса, того голоса, который она так хотела услышать снова, того, благодаря которому она все ещё жива, голоса своего лучшего друга. Это человек, который умеет слушать её, который принимает её такой, какая она есть, с которым она может по-настоящему быть собой.

– Риккардо... Я не знала, что это ты... Прости, что заставила тебя волноваться...

По её спине пробегает дождь, ей хочется спрятаться, исчезнуть. Но прежде чем она успевает свернуться клубком, Риккардо бросается к ней и заключает её в свои объятия.

– Пожалуйста, не плачь. Я не сержусь на тебя, Габриель. Я всего лишь пытаюсь тебя успокоить. Ты цела и невредима, это всё, что важно для меня. Если тебе нужно довериться, я всегда буду рядом, чтобы выслушать тебя. Я никогда не буду обсуждать тебя, ты знаешь это.

Рыдания Габриель постепенно стихают, она трёт свои красные опухшие глаза, всхлипывая.

– Я... я чувствую, что мне нигде нет места. Меня постоянно отвергают, я никому не нравлюсь. Я и сама себе тоже не нравлюсь. Я бы хотела быть счастливой, как другие люди, жить нормальной жизнью, не быть жертвой сильных мира сего. Я бы хотела учиться в университете, не вольнуясь и не страдая от страха каждое утро.

Когда она замолкает, она чувствует, как Риккардо прижимает её к себе еще крепче.

– Мне очень жаль, Габриель. Прости, что я не замечал, что у тебя всё так плохо до этого момента. Я бы хотел помочь тебе раньше, чтобы тебе никогда не пришлось пройти через то, через что ты сейчас проходишь. Если еще не поздно, если еще не все потеряно, я хочу помочь тебе. Я хочу снова видеть тебя улыбающейся и счастливой, какой ты была раньше.

– Ты не должен делать все это для меня, я этого не заслуживаю.

– Напротив! Ты не заслуживаешь страдать больше, чем кто-либо другой, никто не заслуживает. Ты заслуживаешь внимания и доброты так же, как и все остальные. Ты имеешь право быть счастливой, Габриель. И я уверен, что тебя ещё много прекрасного ждёт впереди, так что не сдавайся сейчас. Если тебе нужна помощь, чтобы увидеть свет в конце тоннеля и выйти из темноты, я буду рядом.

С того дня Габриель не перестаёт вспоминать слова, которые Риккардо сказал ей в их последнюю встречу. Она хотела бы больше доверять ему и рассказать обо всем, что её беспокоит.

Сейчас она идет в университет на занятия по истории Британии. На ней наушники, в ушах тихо играет музыка. Погруженная в свои мысли, она не замечает человека, переходящего улицу.

– Ой, надеюсь, это не тот зануда с прошлого раза. При одном только его виде у меня сразу возникает желание его ударить.

– Отстань от меня, Артур. Дай пройти в кабинет!

Габриель вытаскивает наушники из ушей. Она опускает голову, желая избежать конфликта.

– Ты говоришь со мной в ответ? Ты не должен быть таким дерзким со мной, на этот раз ты можешь умереть.

Габриель поднимает голову, когда чувствует опасность. Но как только она собирается отойти, стоящий перед ней парень хватает её за шиворот и с силой швыряет о стену. Её ноги подкашиваются от страха, дыхание учащается.

– Вот и всё, кошмар начинается снова.

Её глаза затуманены слезами, она хотела бы убежать от всего, чтобы кто-то помог ей. Артур подходит к ней и опускается к её лицу. Глаза Габриель смотрят вниз, лицо

закрыто волосами, она не смеет пошевелиться. Он отводит руку назад, готовый нанести ей удар, но не успевает этого сделать, так как ему мешает кто-то, вставший между ними.

– Что ты делаешь? Отойди, я запрещаю тебе прикасаться к ней!

Габриель поднимает глаза. Ошеломленная, она узнает Риккардо, который стоит, затаив дыхание, прямо перед ней. Тут же подходят её друзья. Один из них наклоняется к Габриель, чтобы спросить, всё ли с ней в порядке, и помогает ей подняться.

– Чего вы пытаетесь добиться, делая это? Вам нравится заставлять других страдать? Вы считаете, что аргументы сильнейших всегда самые лучшие? Вы даже не представляете, насколько всё, что вы с ней сделали, разрушило её. Но не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы вы были наказаны за свои действия. Я не позволю вам больше унижать её достоинство, ваша игра закончится сегодня!

Закончив говорить, Риккардо поворачивается и берёт Габриель за запястье, чтобы оттащить её от толпы, которая только что образовалась вокруг них, и они уходят. Риккардо идёт быстрым шагом. Они молчат. Риккардо вдруг останавливается, и Габриель едва успевает остановиться, чтобы не столкнуться с ним.

– Надеюсь, у тебя всё хорошо. Я сделал всё возможное, чтобы помочь тебе. Помни, что я всегда рядом, даже в самых сложных ситуациях. Я не знал, что над тобой так издевались, надеюсь, что это больше не повторится. Я прослежу, чтобы об этом сообщили, не волнуйся, Габриель.

– Риккардо, спасибо, что ты был со мной. Спасибо, что нашёл время выслушать меня, я никогда не смогу отблагодарить тебя за всё, что ты сделал. Ты окончательно развеял все мои страхи. Сколько всего я хотела бы рассказать тебе раньше, но у меня не было сил! Я помню все твои советы, и ты прав, есть ещё много нового, через что мне предстоит пройти. Я больше не хочу ни от чего отказываться, я больше всего на свете хочу жить. Я хочу начать всё с чистого листа, с совершенно новой себя. Той, которая сумеет защититься от дурных людей на своем пути.

Риккардо, стоя перед Габриель, смотрит ей прямо в глаза. Его лицо расплывается в теплой заботливой улыбке.

– Спасибо тебе, Риккардо, что продолжал верить в меня, когда я уже не верила. Ты напоминаешь мне четырёхлистный клевер, тебя редко можно найти, но мне очень повезло, что ты есть у меня.

– Что ты собираешься делать теперь?

– Я всегда мечтала попасть в мужскую волейбольную команду университета. Думаю, это будет хорошим способом начать всё сначала и... Габриель делает паузу и застенчиво опускает глаза.

– И?

– Я нашла имя, которое мне очень нравится...

– Да? Какое?

– Лео. Мне бы хотелось, чтобы меня отныне всегда так называли. Я больше не хочу притворяться тем, кем я не являюсь. Я хочу почувствовать себя самим собой.

– Мне очень нравится это имя, оно прекрасно подойдёт тебе, я уверен.

Иногда тело не всегда отражает душу человека, которому оно принадлежит.

« Recto » quatrième de couverture (page blanche)

« Verso » quatrième de couverture (comité d'organisation, coordination par langue, étudiant.e.s primé.e.s, logos ...).